

Воля человеческая должна быть продолжением Воли Божией

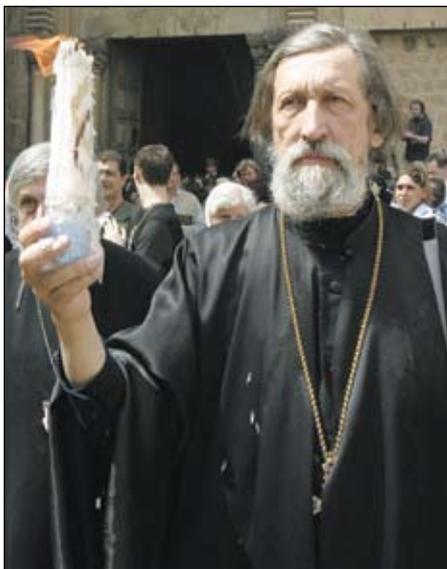
Настоятель храма Воскресения Христова в Кадашах протоиерей Александр Салтыков – гость «Лампады». С ним беседует главный редактор Павел Демидов

– Вопрос, с которым я пришел к Вам, не нов, однако все равно актуален. В самом деле: если все в мире вершится по Воле Божией, не проще ли уподобиться небезызвестному премудрому пескарю? Лечь на дно, зарыться в тину и ждать, когда тебя позовут в Царство Небесное?

– А позовут ли? В меру своего слабого понимания, могу сказать только... Этим вопросом – соотношения собственной воли с Волей Божией – задается каждый человек, делающий какие-то первые шаги внутри Церкви. Уже знает про Волю и Промысл Божий... И вдруг уясняет, что и у него есть воля, и что нужно бороться со своеволием, и как-то уживаться своей воле с Волей Божией... Человеку может показаться, что, не оказавшись у него своей воли, все было бы проще, но вот он узнает, что почему-то Господь устроил именно так.

– Отчего приходит это понимание?

– Те первые шаги, которые человек сделал внутри Церкви, еще не довели его до понимания того, что воля человеческая суть греховна. Что кроме Промысла Божия и Его Воли, и воли самого человека, есть еще воля диавола. Воля Божия направлена на то, чтобы спасти и сохранить человека от всяких духовно-нравственных бед и ужасов в этой жизни и привести в Царство Небесное. Не случайно мы молимся: «Спаси и сохрани!». Относительно диавольской воли, ее целей и задач, думаю, вопросов нет. А человек идет между ними тернистыми путями непрерывного выбора, и как тут обойтись без воли собственной?! Хорошо, если видно сразу: тут белое, там черное. А сколько в жизни промежуточных тонов, сколько обманчивого! И человеку нужно не только во

Благодатный огонь в руке о. Александра – зримый образ Воли Божией

всем разобраться, но – что самое главное – принять решение. Вы можете спросить: а почему он должен принимать решение, когда есть Господь?

– А почему он должен принимать решение, когда есть Господь?

– Да потому, что Господь для этого и наделил его волей.

– Чтобы он ею пользовался. Со всем как в притче о талантах.

– Ведь точно так же уместно спросить: а почему Бог наделил человека разумом? Дело в том, что наша воля с ним соединена. И если человеку лишиться воли, то ему придется лишиться и разума. А этого нам почему-то не хочется. На все воля Божия – это вовсе не значит, что не нужна своя, человеческая воля. Воля у разумного человека есть всегда. Другой вопрос – на что она направлена? И если иные ревностные православные пытаются батюшек благословить их на любой поступок вплоть до того, какой длины оставить косу у дочки или на сколько сантиметров укоротить юбку, чтоб не нарушить Волю Божию, они невольно

лукавят. Они хотят всякую ответственность, переложить на плечи пастыря и тем самым обеспечить себе беззаботное и беспечное бытие. Но разве они отказываются при этом от проявления своей воли?

– То есть и монашеское отсечение собственной воли тоже требует, по сути, собственного волевого усилия.

– И еще какого! А то ведь как хорошо жить иному зверю! Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда. А почему-то мы, хоть и восхищаемся птичкой, но не хотим быть на ее месте. Мы хотим быть самими собой. Человек бесконечно превосходит всякую тварь, потому что он богоподобен. С помощью разума он управляет чувствами, а также и волей. Потому что воля это один из органов человеческой души.

– Органы души?!

– Что в этом особенного? Как у тела есть целый ряд органов, так же и у души. Разум – это орган души. Чувства – их целый веер – это тоже органы души. Воля, которая в данном случае предмет нашей беседы. И еще такой весьма необходимый орган души – совесть. Самый таинственный, самый непонятный... И, между прочим, вера – тоже орган души: вера есть ее врожденное чувство. И я склонен считать отдельным органом души – любовь. Хотя ее рассматривают как чувство, может быть, это все же отдельный орган, ибо любовь всеобъемлюща. И все эти органы взаимосвязаны. Поражение любого из них делает человека инвалидом, душевнобольным. Единство – распалось. Наступила дисгармония.

– Что и произошло в первоначальном грехе.

– Адам и Ева увидели, что они наги. То есть от них отошла благодать. В одно мгновение тело и душа пришли в смертное состояние. Причем это произошло, когда от плода вкусил

Адам. До этого они с Евой представляли собой единство, и каждый при этом оставался личностью. Пока Адам не пошел на поводу у Евы. И с тех пор человек должен постоянно заботиться о своих органах: тела, которое мы так любим, и души, о которой заботимся, к сожалению, гораздо меньше, но без которой просто нет человека. Видите, как глубоко уходят корни вечной дилеммы: выбор и воля?

– **То есть, если мы принимаем, что человек богоподобен, то это, естественно, проявляется и в наличии у него воли и, если хотите, в использовании ею. Так?**

– В том, что он свободен. В чем же еще?

– **А как же птичка Божия, которая не знает ни заботы, ни труда? Она тоже, подобно человеку, свободна? Полет – метафора свободы.**

– А птичка, хотя и летает, – не свободна. Потому что понять, что она летает, птичка не может. Она – не богоподобна.

– **Батюшка, Вы сказали в начале разговора, что воля человека греховна...**

– Она поражена грехом. Все органы души и тела поражены грехом. Как болезнью.

– **Но это не значит, что проявление человеком воли уже заведомо греховно?**

– Нет, конечно. Просто человеку нужно все время делать выбор. Все время. Свобода воли – в ее избирательном характере. Либо она тяготеет к воле Божией, либо она подчиняется злой воле, бесовской.

– **Промысл Божий – на первый взгляд, своего рода инструкция для ведомых. В действительности же это, скорее, можно назвать руководством к действиям, к самостоятельным поступкам.**

– Смысл именно в том, чтобы идти самому.

– **Но если Бог о нас все знает, в том числе и будущее, зачем, спрашивается...**

– Именно на этом строится философия некоторых людей и целых сек-

тантских движений. Поскольку Бог о нас все знает, все предопределено, в человеческой воле нет, мол, нужды. Мне кажется, что корень всего все-таки в том, что человек есть образ и подобие Божие. Из этого следует исходить, пытаюсь определить место и роль воли в жизни человека. Человек волен просить Бога изменить что-то в его судьбе. Известен пример из жизни матери декабриста Рылеева – сон, в котором ей было открыто, что ждет ее сына в будущем.

– **Это когда она вымаливала своему сыну жизнь еще в детстве, во время его тяжелой болезни?**

– Ну да. Промысл Божий был таков, что ему надо было умереть в детстве. Но мать не захотела этого. И тогда ей было открыто, что с ним произойдет, если она будет стоять на своем. Эта анфилада комнат... Как течение лет его жизни... И в конце – эшафот. Но она все равно молилась о том, чтобы решение Божие было изменено.

– **И Господь ей попустил.**

– Господь попустил, и весь этот ужас свершился. С далеко идущими тяжелыми, кошмарными последствиями. Плоды эти ощущаются даже в сегодняшнем дне.

– **То, что произошло у нас в 1825 году, сродни Французской революции в миниатюре.**

– Да... Вот так проявилась свобода воли человека. Господь попускает то, что человек просит, по той же причине – богоподобия человека. В данном случае, применительно к нашему разговору, – в свободе воли.

– **Хорошо. Вот я церковный человек. Стараюсь жить по Промыслу Божию. Но где мне его узнать? Как узнать? Молить, чтобы Он мне открылся? Как тут быть, в своей повседневной жизни?**

– Вы задаете вопрос, на который я не осмелюсь и отвечать. Это может быть несколько самонадеянно.

– **Прошу Вас, батюшка. Это так важно!**

– ...Что здесь можно сказать... Промысл Божий, конечно, совершен-

но таинствен. Пытаться его узнать – это любопытствовать о будущем, которое нам знать не дано. Ведь мы даже дня своей кончины не знаем. Просто каждый человек должен стараться помнить о Воле Божией, должен стараться идти навстречу Ей. Есть сокрытый от нас, таинственный Промысл Божий, и есть Воля Божия, которая осуществляется через Промысл и даже попускает каким-то волениям людским, однако эти собственные воления опасны для нас. Вспомним еще раз мать Кондратия Федоровича Рылеева. Воля Божия как таковая состояла в том, чтобы мальчику умереть. А Промысл Божий, оказывается, был сделать так, как хотела мать. И в этом большая тайна. Но трагическая и позорная смерть Рылеева, может быть, не есть завершение его судьбы в загробной жизни. Мы не знаем, какова она. Но и в этой трагедии проявилась безмерная любовь Господа к человеку, даже ослушавшемуся Его. Он избавил мать от страшных мук, призвав ее к Себе за год до гибели сына. Нет, человек должен, прямо-таки обязан идти навстречу Воле Божией.

– **Но доступно ли такое нам, поврежденным людям? Возможно ли это в принципе?**

– В принципе... для святого человека это естественно – жить по Воле Господа. Преподобный Серафим говорит, что он послушник Матери Божией. Жить по Воле Божией – это удел святых. Им Господь Свою Волю открывает.

– **А как быть, если человек хочет жить по Воле Божией, а Она ему не открывается?**

– Я смею думать, что если человек настойчив, Господь может пойти ему навстречу. Вообще мы, маленькие существа, должны бы иметь духовного руководителя, человека, кому могли бы вручить свою волю. Правда, целиком отказаться от своей воли в мирских условиях вряд ли возможно. Даже просто невозможно. Полный отказ от своей воли – это труднейшее монашеское делание.

– Выходит, живущие в мире в этом смысле обречены? Они не могут выполнять Волю Божию? Не могут полностью следовать Ей?

– Я бы сказал: они не могут реализовать это в полном объеме. Но не могут – не значит, не хотят. Если мы не будем выполнять Волю Божию в той мере, в какой это нам доступно, мы не сможем спастись. Не наследуем Царства Божия. Стремиться исполнять Волю Божию – это и есть смирение, мать всех добродетелей. Путь этот тяжел, дается не сразу и не всем. Здесь-то и находится узел противостояния Церкви и мира: Церковь исполняет Волю Божию, а мир – нетрудно догадаться, чью.

– Часто приходится встречать ситуации, когда верующие люди обращаются буквально по каждому даже самому мелкому поводу к батюшке.

– Это зависит от двух вещей. Точнее, от двух человек – от самого священника и от самого верующего. У нас с Вами свободная беседа, правда?

– Ну, конечно!

– Расскажу Вам эпизод, связанный с замечательным священником протоиереем Всеволодом Шпиллером. Я еще был совершенно обыкновенный светский молодой человек. Однажды мы стояли в храме и ждали, когда отец Всеволод выйдет из алтаря. Какие-то две женщины, видимо, недавно пришедшие в Церковь, тоже

стояли поодаль и ждали священника. Когда отец Всеволод вышел, они подбежали к нему и стали просить дать им благословение. Точно не помню, но что-то вроде в каком магазине капусты купить. А о. Всеволод посмотрел на всех и вдруг начал рассказывать: «Шел по лесу мальчик, вдруг волки. Мальчик залез на дерево и молится: “Господи! Если спасешь от волков, куплю балалайку”». Женщины застыли в полном недоумении, а он улыбнулся и пошел далее. Вот какую притчу довелось услышать. Здесь и ответ на вопрос. Хороший был мальчик, добрый, только Господу балалайка-то не нужна. Мальчику – да, чтобы играть, а не для вечной жизни. Так и эти две женщины. Они искренне хотели духовной жизни и поступать по Воле Божией, но чем при этом озабочены? В какой лавке капусту купить. Притча мудрая. Они хотят спастись. Но, словно дети: не зная, как. И потому задают вопросы, ответ на которые в этой притче о балалайке.

– До чего же трудно жить по Воле Божией!

– Трудно. Потому что для этого нужно смирение.

– **А изъяснение своей воли – не противоречит ли оно смирению? Взять тип западного христианина. В том мире поощряются жизненная стойкость, целеустремленность, самодостаточность ... Разве не расходится это с нашими, православными жизненными стандартами?**

– Самодостаточность – вряд ли нам подходит, а стойкость и целеустремленность – что же в этом плохого? Но расхождения у нас серьезные. Западное христианство – это католицизм и протестантизм. По учению Церкви, в целом, католицизм слишком укоренен в земном. Я разделяю мнение, что главный его недостаток, даже беда, в том, какое место занимает в нем папство. В Евангелии мы читаем, как Христос обсуждает в беседе с Понтием Пилатом вопрос о земной власти. О власти мирового государства, которое в то время представляла Римская империя. Она, по сути,

стала образцом государственности на все века. Беседа эта глубоко символична. Пилат спрашивает Христа о том, что его, как римского чиновника, не может не беспокоить. «Где твое царство?» – вопрошает Пилат. Ведь Христа обвиняли в претензии именно на земную власть, а не на какую-то другую. Что же отвечает Спаситель? Он отвечает: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня». (Ин. 18,36). Он совершенно недвусмысленно отрекается от земной власти. Спрашивается: вообще о какой земной власти Церкви может идти речь, если Ее Глава – Христос – сам отвергается от этой власти? По-моему, здесь явное противоречие между прямыми словами Христа и, к глубокому сожалению, реальной практикой католицизма в течение многих столетий. А поскольку власть римского епископа укоренена в земном властвовании, хотите вы того или нет, с этим связано все в католицизме, все проявления духовной жизни. Говоря о духовной жизни, они не могут отделить ее от земной власти главы церкви. Потому что у них в комплекс церковной жизни входит весьма заметной составляющей земная власть главы церкви. Каждый католик разделяет эту концепцию. Но земная власть всегда соединена с гордостью. А Христос говорит: «Царство Мое не от мира сего».

– Последний вопрос, батюшка, не могу не задать. Ваши Кадаши и вся ситуация вокруг них, которая более чем известна. Если ее рассматривать с позиций нашей с Вами беседы... Это тоже проявление Промысла Божия?

– Конечно. Идет искушение, в церковном понимании этого слова, то есть, кто как себя здесь покажет, проявит. И Господь дает нам возможность искать Его Волю или, как сказано в Евангелии, «идти против рожна». Позволю некоторое отступление. Есть некоторые общие посылы, которые, безусловно, говорят о Воле Божией. Мы, например, считаем: Воля Божия

СКРЕПЫ

*Положите свою руку
в руку Господа и идите
без колебаний.*

*Преподобномученица
Великая Княгиня
Елисавета*

в том, чтобы во главе всего на земле стояла правда. Нужно, чтобы на земле царствовали вера и правда. Нужно, чтобы все ходили в храм, исповедовались, причащались и молились Богу. Однако мы эту Волю Божию не исполняем. Господь, конечно, долготерпелив и многомилостив, видит, что мы не послушны Ему, не идем навстречу Его Воле, и, однако же, Он не оставляет нас Своею милостью. В данном случае, в Кадашах: мы утверждаем только одно – есть права Церкви в границах нашего прихода, и мы изо всех сил не позволим их попираТЬ. Сил, к сожалению, правда, не много. Я делаю все, что могу, чтобы право Церкви не попиралось в том маленьком окопе, в котором я сижу. И Бог посылает нам помощников. Широкое общественное движение как раз показало, как люди относятся к Церкви. Мы видим, что они хорошо к Ней относятся. Есть чувство правды. Мы должны отстаивать права Церкви. Мы просто обязаны говорить во всеуслышание о правах Церкви. Я написал письмо руководству Москвы (при бывшем мэре), которое опубликовано у нас на сайте в интернете. Я заявил, что рассматриваю присвоение дома

диакона и его фактический снос как оскорбление чувств верующих. А когда с человеком не считаются, этим его оскорбляют. Мы слишком привыкли, еще с советских времен, втягивать голову в плечи. Но пора от этого отвыкать. Пора заботиться не только о своем достоинстве, но и о достоинстве Церкви. Преодолеть наше униженное религиозное сознание, которое воспитала в нас советская власть.

– Вся эта история – своего рода алгоритм нашего времени. Здесь всё проявляется и все проявляются. Этот локальный, в общем-то, пример можно экстраполировать на всю нашу действительность.

– Ну, тогда я спокоен за нашу действительность.

– Как понимать?

– Вы же сказали, что наш пример можно экстраполировать на всю нашу действительность. А он в том, что мы твердо стоим на защите прав Церкви. И Бог нам помогает. В настоящее время, мне кажется, нет серьезной угрозы прямого нападения антицерковных сил, которые, между прочим, есть всегда. Просто, как раз по Промыслу Божию, их натиск в настоящий момент ослабел. Но они существуют.

И ненависть к Церкви в определенных кругах меньше не стала. И при первом удобном случае эта ненависть дает себя знать. Некоторые господа смотрят: пустим пробный шар – дадим православным пинка. Проглотят – пойдем дальше. А некоторые из наших братьев, кто молча принимает оскорбления веры, считают, что они так смиряются. Они не понимают, что тем самым оскорбляется их Мать-Церковь. Есть оскорбление личности, которое полезно иногда и стерпеть. Слов нет, следует и смиряться, но и беречь свое достоинство. Но когда речь идет о достоинстве Церкви, мы должны вставать в рост.

– Это, собственно, то же, что за други своя.

– Совершенно верно! За други своя. За своих братьев. За свою Мать-Церковь. Но в нашем сознании, к сожалению, произошло пока очень мало сдвигов.

– Чем больше слушаю Вас, тем больше хочется думать и осмысливать эту ситуацию. Я не могу рассматривать ее как просто конфликт на строительной площадке.

– И правильно. Хорошо, если бы и кое-кто еще думал так же.

А жизнь, между тем, проходит...

В этой истории нет и капли вымысла.

Сейчас героине под пятьдесят. Обитает с детьми в крохотной квартирке дома, заполненного пьянью. Сказать, что живет, – погрешить против правды. Она – ждет. Вся ее жизнь – ожидание. Вопрос – чего?

Детство горе-героини пришлось на границу. Скорее всего, именно благополучие, разнообразие, внешняя притягательность тамошней жизни плюс малый возраст не дали тогда проявиться главным чертам ее натуры. Вернувшись домой, она стала тяготиться серостью отечественного бытия, требовала для себя иной жизни и бурно протестовала, когда не выходило по её.

В шестнадцать имел место роман с «лицом кавказской национальности» с неплохой материальной базой. Но, уступив отцу, вскоре именно «выскочила» замуж за кинорежиссера чуть ли не вдвое старше ее. Муж, против ожидания, оказался скуп, и она, с малышом на руках, ушла от него.

Несмотря на образование, сметливый ум и способности она категорически не хотела работать. Однако жить

при этом желала хорошо и даже очень хорошо. И стала содержанкой. И была счастлива, потому что у нее появилось самое для нее заветное – деньги.

Тратила она их беспощадно (не только на себя – любила делать подарки). Потом – снова замужество. Еще двое детей. Вновь развод: и этот избранник не мог удовлетворить ее притязания.

Поскольку жить хотелось красиво, а было не на что, в ход пошли махинации. Обмен жилья по нисходящей, а доплата – на роскошь и удовольствия. Пора легких потребительских кредитов принесла ей долг в полмиллиона рублей. И теперь она прячется от судебных приставов в своей каморке и ждет, когда дом пойдет под снос, а она получит новую квартиру, сможет ее продать, и тогда...

А теперь – о Боге. Он был возле нее всегда. Крещена в детстве. Во втором браке венчана. Сын – в православной гимназии. Господь назидал и болезнями, и советами через верующих, что окружали ее. Глухо... Не хочет слышать Воли Божией. Хочет жить по своей.

Господь говорит с нами голосом нашей совести

С Юрием Соломиным я познакомился (страшно сказать!) 40 лет назад. Он уже и тогда служил в Малом театре, а я в ту пору работал в «Известиях». Незадолго до этого газета напечатала мой материал о перипетиях, связанных с культовым, как теперь говорят, фильмом «Адъютант его превосходительства» (он только что с оглушительным успехом прошел по телевидению) и его подлинным героем. Статья вызвала много откликов. И потому естественным продолжением сюжета стала моя встреча с героем экранным, блестя-

ще сыгранным Соломиным. Это, к слову, была и первая публикация в центральной печати о молодом актере.

Но сегодня наш разговор с Юрием Мефодьевичем не о былых днях молодости. И даже не о том, что вот уже 22 года Соломин – художественный руководитель Малого театра, что за спиной более полусотни ролей русского и западного репертуара и почти столько же ролей в кино. Наш разговор о том, как и чем наполнялись эти самые 40 лет, да и не только они, – пожалуй, вся жизнь.

Павел Демидов

– Как случилось, что Вы пришли к вере? Ведь Ваша семья не была церковной?

– Это как посмотреть. По отцу – очень церковной. Дед был даже старостой в храме. Хотя он был морзистом на телеграфе, тогда это была технически очень важная профессия. Нынешние молодые люди, возможно, и не знают, что это такое.

– Азбука Морзе? Телеграфный язык.

– Так я же говорю о молодых людях, а не о таких, как мы с Вами. Бабушка была неграмотная, но это не мешало ей быть очень верующей.

– Может, напротив, даже помогло.

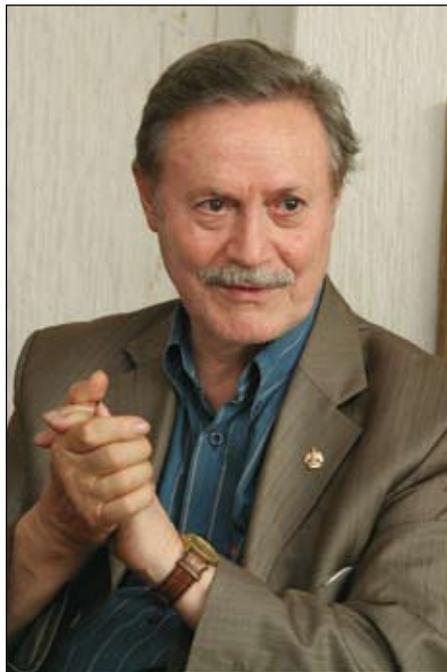
– Возможно. А по материнской линии... Как я говорю: по отцу были верующие, а по матери революционеры.

– И Вы оказались между...

– Вот между и получился. Дед мой трагически погиб. Говорят, замерз. Шел якобы через замерзшее озеро домой, ну и... С годами я перестал в это верить: коренной забайкалец, опытный таежник – нереально...

– Просто не мог в силу своей принадлежности к сибирскому племени.

– Совершенно верно. Выяснить сегодня это, сами понимаете, невозможно. Да и так ли уж, честно говоря, важно? Но проживи мой дед подольше, возможно, он и стал бы моим первым духовным окормителем. Что касается деда второго, то когда в 1985 году в «Забайкальском рабочем» стали публиковаться материалы о нашем прошлом, стало ясно, что случилось с ним. Он не был коммунистом, но тогда мели всех подчистую, не обошли и его. А через три дня его не стало... Был осужден без права переписки...

– Что это значит, я знаю и по своему деду. Видите, какие мы с Вами грамотные.

– К сожалению... А в 1953-м мы получили бумажку о его реабилитации. Вот такой у меня был «путь» к вере...

– Но крещены вы были в младенчестве?

– Думаю, что нет. В то время это было очень сложно, об этом не говорили. Когда стал постарше, только кое-что слышал от дедушки, от бабушки, да и кто в детстве льнет к вере, если вокруг религиозный вакуум? Семейно нашу выселили из квартиры, я запомнил полуподвал с тремя ступеньками. Сколько мне тогда было? Года четыре. Никто не жаловался, тогда и это было опасно. Дома никогда о Боге не говорили – неприятностей хватало и так, а тут можно было схлопотать по полной. Даже бабушка молчала.

– А мама – как? По Вашим наблюдениям.

– Мама вообще была вне всего. Человек наивный, свободный... Она – нет. Отец был членом партии... Ему тоже потом досталось, потому что его родственник сидел в тюрьме. Вот так мы и росли. Кто-то что-то понимал, кто-то догадывался, но чтобы сказать что-то вслух?.. Нашу семью в городе знали и хорошо к ней относились. И когда в 1953 году мы получили бумагу о реабилитации деда, буквально в первых же газетах это было напечатано. Постарались мои еще школьные друзья. Потом были перепечатки в центральной прессе.

– Ну и как же Вы все-таки оказались лицом к лицу с Господом Богом?

– Как?.. Очень сложно ответить на этот вопрос. До 1980-х, как известно, Церковь все еще была стеснена. Храмов было не много, прихожан – тоже... Приходили разве что на праздники. Ведь все мы были ужасно необразованны в церковном отношении. И вот мы с женой в гастрольной поездке в Ленинграде. Кто-то из ребят прибежал и говорит: в храме (название сейчас не помню) есть Библии. В то время – сами понимаете, что это было такое. Все гонялись за книгой не потому, что нуждались в ней, а потому, что еще вчера она была под запретом. Жена побежала туда и действительно – вернулась с Библией! Двухтомное издание, кажется, шведское, на тонкой бумаге, очень убористый шрифт. И в первый же вечер мы решили начать свое религиозное образование. Начинались 80-е годы.

– У Вас это было желание или просто любопытство?

– Хотелось понять природу запретов. За что подвергались гонениям ве-

рующие? Что такого крамольного со-держало их учение? У нас в театре было очень много православных. Наши великие старики, которым было тогда по 80, по 90 лет... Когда молодой актер играл премьеру, они, например, обязательно крестили его, что-то дарили, говорили разные слова, но все они сводились к пожеланию: «Дай Бог тебе здоровья, успеха в твоём труде...». И всегда непременно – «Дай Бог». Почему-то принято было считать, что Церковь и театр далеко отстоят друг от друга, что они чуть ли не антагонисты, но наши великие самими фактом своего органичного бытия в Боге и одновременно в актерской профессии опровергали эту банальность. Варвара Николаевна Рыжова, Александра Александровна Яблочкина, Евдокия Дмитриевна Турчанинова...

– **Вера Николаевна Пашенная...**

– Она – в меньшей степени. Хотя, кто знает, может быть, просто не показывала. Когда они приходили на спектакль, обязательно раскладывали свои маленькие иконки, молились перед началом, крестились, само собой... А Рыжова, она в деньгах ничего не понимала, но одевальщице, гримеру обязательно давала рубль. Так было принято испокон века – уважить чужой труд, так она и поступала. Все, понятно, брали, хотя что такое рубль? – но при этом благодарили, улыбались, потому что принять – это тоже оказать уважение дающему.

– **Вообще нельзя отказываться принимать благоденствие. С одной стороны, это проявление гордости, а с другой, – оскорбление человека. Он к тебе всей душой, а ты его – по рукам.**

– Конечно, нельзя. Вы, по сути, противитесь Воле Божией. В нашем театре это чувство благодарности к другим осталось всегда и переходит к новым поколениям. Им, правда, еще светят и наши маяки: Татьяна Александровна Еремеева, 97 лет; Татьяна Петровна Панкова, 94 года... Так вот, возвращаюсь к тому, что мы с женой стали читать Библию. Поначалу вышел даже небольшой спор: кому начинать с первой книги, а кому со второй. Мне досталась вторая.

– **Что очень правильно. Изучать Священное Писание надо именно с Нового Завета, а не с Ветхого.**

– Тогда я ничего этого еще не знал. Часа через два, уже ночью, мы оба отложили книги, помолчали, а потом она спрашивает: «Ты что-нибудь понимаешь?» «Ничего не понимаю...», – честно ответил я. Одно тогда мы хорошо запомнили, это как-то врезалось – Десять заповедей. Наверное, потому, что мы, читая их, удивлялись и говорили друг другу: «Так это нормально! Как может быть иначе?»

– **Можно сказать, что Вы обнаружили, что, оказывается, жили во многом в соответствии с ними?**

– Я и сейчас продолжаю утверждать, что это самое нормальное состояние человека – жить так, как заповедал нам Бог. Если бы эти Десять заповедей, которые дал Моисею Господь на священной горе Синай, да еще Девять заповедей Христа из Нагорной проповеди ввели в школах в институтах, в учреждениях, в прокуратуре, в больницах... Не надо создавать курсы и семинары, мы всегда очень любили этим заниматься, – достаточно вывесить тексты на видном месте, достаточно крупно напечатать, и чтобы люди постоянно их видели перед собой. Я не обольщаюсь, но думаю, что у многих со временем стало бы срабатывать некое нравственное тормозное устройство. Вроде: «Не буду я сегодня делать гадости»... А потом: дальше – больше. Постепенно мы стали больше познавать, читать, дочка подросла и тоже присоединилась к нам, а внучка у нас просто церковно образованный человек.

– **А как у Вас началось соприкосновение непосредственно с Церковью? И когда?**

– Началось это в начале 90-х годов, когда меня назначили министром культуры Российской Федерации. В то время радости принесло мне это не много, но теперь я считаю, что мне повезло. Я оказался внутри исторического процесса огромной важности. Мы передавали Церкви храмы, монастыри... 1200 объектов вернулись Церкви! Участие в этой работе было для меня и радостно, и почетно, и, пожалуй, именно тогда, я почувствовал, что во мне что-то произошло.

– **На то была Воля Божия, и Вы Ей не противились. Так?**

– Теперь, пожалуй, я могу это сказать, но в ту пору равным счетом ни-

чего не понимал. А потом Господь свел меня с очень хорошим человеком – Владыкой Питиримом, который оказал на меня очень сильное духовное воздействие. Но, конечно, самым значительным событием в моей жизни стало знакомство, и не побоюсь сказать – близкое, с Патриархом Алексием. С ним я проехал несколько городов, передавая храмы и монастыри. Я выступал от лица государства. Помню, в Смоленске, когда мы приехали, народу было столько... церковь не могла вместить всех. Поверьте, я не хвастаю, а говорю, как было. Из местного музея передавали Церкви икону Божией Матери «Смоленская». Сотрудница музея, которая хранила этот образ 20 лет, которая буквально срослась с ним, никак не могла оторваться от иконы. Я ее понимаю. Пусть даже она была неверующей, но два десятка лет оберегать чудотворный образ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы – такое не может пройти бесследно для человека. Помню, Патриарх обернулся ко мне и спросил: «Что ты хочешь, чтобы я сказал?» Ответ возник мгновенно, словно я об этом думал всегда. Я попросил: «Просто поблагодарите музейных работников». И он это сделал. И потом делал так не раз в подобных ситуациях. Что говорить, процесс возвращения церковных святынь даже и сейчас достаточно острый. Тогда простые слова благодарности Предстоятеля Церкви сильно снимали напряжение. Я бережно храню в памяти все, что связано с этим необыкновенным человеком.

– **А себя Вы считаете воцерковленным человеком?**

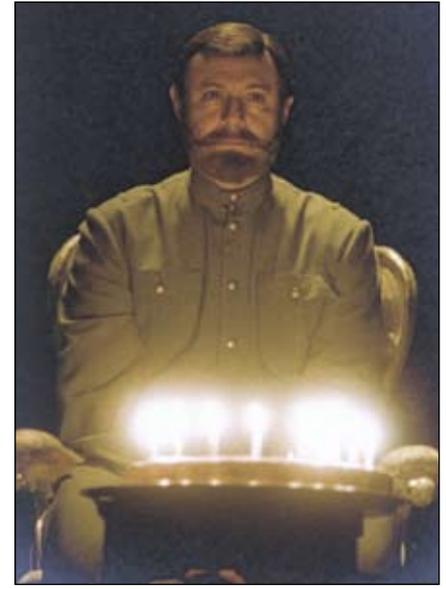
– Увы, нет. Не считаю. Мои отношения с церковными иерархами носили, скорее, характер доброго, взаимосимпатизирующего знакомства. Правда, с Владыкой Питиримом я, можно сказать, сблизился, но опять же больше на почве сотрудничества в одном из культурных фондов. И мы на этой почве подружились. Владыка освящал наш театр после капитального ремонта, и основную сцену, и филиал. Как-то мы с женой были у него дома в гостях, и у нас зашел разговор о вере. Я ему сказал, что меня влечет к храму, я тянусь к вере, но не знаю, как подступиться, с чего начать. Читаю Священное Писание, и такое ощущение, что я двоечник в школе: ничего не

Мольер, «Мольер» («Кабала святош») М.А. Булгакова

Арсеньев, х/ф «Дерсу Узала» режиссера А. Курасава

Николай Александрович Романов, «...И Аз воздам» С. Кузнецова

понимаю. Он завел меня в кабинет и подарил «Детскую Библию». Я сказал: «Ой, как хорошо! У меня внучка!» Владыка и подписал ее внучке. Я и сейчас ее читаю и, как в первый раз, невольно отмечаю про себя: все, что написано, – норма для нормального человека. Та же заповедь «Не укради». У нас в Забайкалье это считалось нормальным – дома не запирались, а краж не было. Так нас воспитывали. И в школе, и дома, и во дворе. Никто у соседа ничего не возьмет, потому что... Ну, потому что такие люди! Так и стараюсь жить. Иными словами, все, что я узнавал из этой Великой Книги, никак не противоречило моим взглядам, убеждениям, практике моей жизни.

– То есть Вы, сами того не осознавая, жили по Воле Божией, по Его Промыслу.

– Об этом не мне судить.

– Как бы Вы сформулировали, что такое Воля Божия?

– Не рискну. Надо прислушиваться к себе. Но я заметил вот что. Что-то приходит тебе в голову, приходит решение. Откуда это? Что это? История с моим участием в фильме «Дерсу Узала». Лежа в больнице, в Киеве, я услышал по радио информацию, что Акира Курасава собирается снимать фильм о знаменитом дальневосточнике. А я так мечтал сняться у этого великого режиссера! Хоть в крошечном эпизоде. А тут еще и моя родная, дальневосточная тема. Возвращаюсь домой. Вскоре звоню

с «Мосфильма». Приглашают на роль в «Дерсу». В поворотных моментах что-то всегда происходит. Какая-то неестественная сила ведет меня.

– Я бы сказал: естественная сила.

– Наверное, да. Когда приходишь в церковь, ставишь свечу, молишься... видимо, тогда и происходит единение с Богом.

– Я стараюсь вывести Вас на высокую ноту, а Вы всё о земном. И я понимаю, почему. Просто у Вас все едино – высокое и земное. Наверное, это и есть гармония.

– Гармония – это когда ты живешь в ладу со своей совестью. А совесть – это и есть Голос Бога, Его Воля. Расскажу случай. Было это уже после войны. Бедность, голодно – сами знаете. Под вечер, катаясь с ледяной горки, неожиданно нашел тридцатку, а это были заметные деньги. Вокруг никого. Принес я ее домой, отдал бабушке. Теперь, когда вспоминаю об этом, становится как-то неуютно: тебе, мол, привалило, а от кого-то убыло. Я понимал, что не виноват. Оставлять на снегу было бы глупо, и отдать некому. А совесть все равно напоминает о себе... Меня теперь коллектив ругает: «Почему ты мало играешь?» – «А если я буду играть больше, чем вы, вы же первые меня упрекнете». Я все прекрасно понимаю: есть зритель, которому не до этих тонкостей, он просто хочет видеть актера. Но я стараюсь все же соблю-

дать меру. Лишнего не надо. Везде. Во всем. И в жизненных обстоятельствах, и в материальных каких-то моментах.

– Можно сказать, что, придя к вере, Вам не пришлось особо как-то себя ломать, переделывать?

– К счастью, не пришлось. Это было органично, естественно и спокойно. Слово вошел в свою среду обитания. Дочка наша уже крестилась сама, а внучку мы крестили. Она теперь уже вполне самостоятельный в церковном отношении человек.

– Когда-то говорили, что уйдут из жизни «белые платочки» – бабули – и с ними уйдет Церковь. А теперь внуки наверстывают упущенное нами. Это вселяет такой оптимизм... Как в Евангелии от Матфея говорит Христос: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (18, 20).

– О нашем коллективе я, например, могу уверенно сказать: Христос всегда среди нас. Иначе нам не выстоять бы в житейских бурях.

– И у вас бури?

– Да какие! Далеко не всем нравится, что у театра есть определенные правила жизни и он их строго придерживается.

– Например?

– Например, мы всегда старались помогать тем, кто в нас нуждался. Раньше это называли шефством. Люди нынешнего века это слово, скорее всего, понимают иначе, связывая его со словом «шеф». Мы стараемся жить

по-старому. У нас очень хорошие отношения и со школами, и с армией, с Церковью, само собой. Каждый год 7 января обязательно проходит Патриаршая елка, теперь к нам еще и Даниловский монастырь обращается. Всё, разумеется, бесплатно. А недавно четыре комиссии проверяли нас нещадно в течение полугода. Не знаю, из-за чего они на нас навалились. «А почему вы даете эти спектакли?» – это о шефских. Мы говорим, что делаем это бесплатно. «Совсем-совсем бесплатно?!» Этим летом мы провели очень большую акцию. От Ярославля до Нижнего Новгорода, через Казань, Кострому, Самару, Саратов, Волгоград, Иваново с бесплатными концертами и спектаклями, посвятив это 65-летию нашей Победы. Вы не представляете, как нам приходится оправдываться перед контролерами и доказывать, что здесь нет нашей корысти. Я иногда говорю, а у меня комок в горле. Не понимают. И оттого не верят. А нас посмотрело 20 тысяч человек! Было очень много молодежи. Я спра-

шиваю: «Вы же не ветераны, вам интересно?» – «А у нас дедушка, он лежит. Сказал: “Сходите, ребята, потом мне расскажете”». Для нашего театра это норма. Если кто-то этого не понимает, что ж... жаль его. Всем помочь мы, к сожалению, не можем. Мы – бюджетная организация. Но стараемся, а когда нет возможности, помогаем из личных средств. Для этой поездки пароходство снизило нам стоимость фрахта, и мы смогли отказаться от гостиниц, ночевали в каютах. То есть еще и сэкономили. А на нас смотрят, подозрительно прищуривая глаза. В том, как нам приходилось отбиваться от чиновников, которые якобы блюдают интересы государства, отражается вся нравственная неустроенность современной жизни. Уходит из жизни главная заповедь.

– **Возлюби ближнего своего.**

– Не возлюбивают... Да у нас у самих, я люблю это повторять, кроме роли, украсть ничего нельзя. Потому что потом, даже если рискнуть, все равно станет видно, что роль ворован-

ная. В нашем коллективе живут пока старыми понятиями.

– **Живут по заповедям Божиим.**

– Во всяком случае, стараются.

– **Мне кажется, что лично Вы не могли бы существовать ни в каком театральном контексте, кроме как Малого театра. По-моему, Вы и Малый – это две половинки. Я прав?**

– Пожалуй...

– **И можно ли сказать, что Малый театр это самый православный театр современной Москвы?**

– Несомненно. Я это говорю с полной ответственностью. Достаточно посмотреть, как тщательно воспроизводятся в спектаклях даже мельчайшие штрихи церковной жизни, наши национальные обряды, костюмы и прочее. Все это говорит, прежде всего, о православном духе, наполняющем эти стены.

– **А Дух, как известно, дышит, где хочет.**

– Вот Он, слава Богу, не оставляет и нас.

Все они – из Театрального училища имени М.С. Щепкина. От поколения к поколению: мастерство, культура, вера...

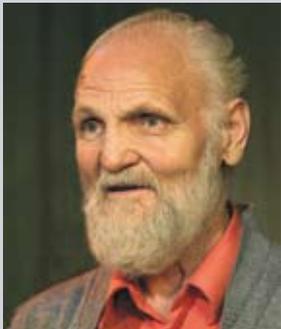
Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Эдуард Александрович Маркелов, 38 лет, преподаватель</i></p>	<p><i>Дмитрий Владимирович Баурин, 38 лет, продавец-кассир</i></p>	<p><i>Андрей Владимирович Хайзев, 33 года, водитель</i></p>
			
<p>Что такое быть волевым человеком?</p>	<p>Смотря что подразумевать под волей. Воля у меня ассоциируется с инстинктом.</p>	<p>Если у человека есть какая-то определенная цель в жизни, какие-то интересы и тем самым он стремится их достигнуть, это – воля. Конечно, если она будет соприсущна с Волей Божией.</p>	<p>Воли у человека нет, есть вера в Бога, дух человека.</p>
<p>Для чего человек наделен волей, если над ним все равно Воля Божия?</p>	<p>Не наделен человек волей как таковой.</p>	<p>Господь нам дает свободу выбора. Она может пойти на добрые дела, а может – во зло.</p>	<p>Волевым человеком нельзя быть – на все Воля Божия.</p>
<p>Упорство в выполнении собственных желаний – это признак силы или слабости?</p>	<p>Упорство в достижении собственных желаний можно назвать не силой и не слабостью, а каким-то третьим качеством.</p>	<p>Если человек упорно живет только для себя и знает, что так не следует, это признак слабости: он не в силах отказаться. Сила человека – в способности к самоограничению.</p>	<p>Наверное, это признак слабости, потому что желания могут быть разные.</p>
<p>Как можно узнать или почувствовать Волю Божию?</p>	<p>Это мы видим постоянно и чувствуем ее на себе. Если мы хотим что-то сделать – раз и не получается, – Воля Божия.</p>	<p>Когда ты что-то совершил и знаешь, что не совсем правильно, то испытываешь внутреннюю тяжесть на сердце. А когда сделал доброе дело, значит, все это по Воле Божией.</p>	<p>Надо жить во Христе.</p>
<p>Приходилось ли Вам хоть раз отказываться от чего-то для Вас важного или привлекательного, хотя внешних мотивов для этого не было?</p>	<p>Приходилось, но мотивы были.</p>	<p>Да.</p>	<p>Приходилось отказываться.</p>
<p>Случалось ли Вам, анализируя причины той или иной неудачи, приходиться к мысли: потому что это было вопреки Воле Божией?</p>	<p>Конечно, случалось. Если что-то не получается, то это вопреки Воле Божией.</p>	<p>Человек всегда сам виноват. Господь делает человеку доброе или посылает болезнь, какие-то неудачи во спасение.</p>	<p>Случалось.</p>

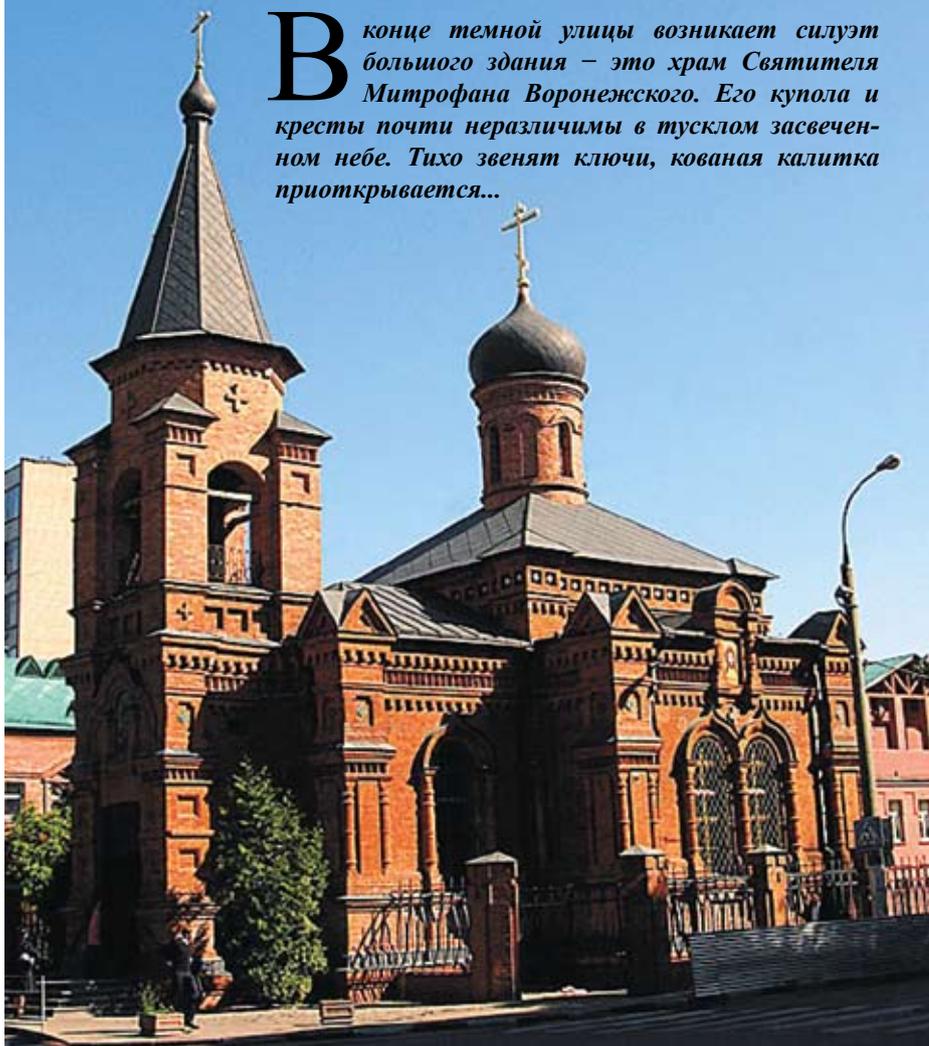
ЕСЛИ НА ВСЁ ВОЛЯ БОЖИЯ, К ЧЕМУ ТОГДА СВОЯ?

Анкета «Лампады»

<p><u>Галина</u>, 50 лет, многодетная мама (сниматься отказалась)</p>	<p><u>Екатерина Писарева</u>, 19 лет, студентка</p>	<p><u>Лариса Акимовна Проскурина</u>, 64 года, пенсионерка</p>	<p><u>Владимир Николаевич Крупин</u>, 70 лет, писатель</p>
			
<p>Я считаю: быть волевым человеком – это быть послушным во всем Воле Божией и ни в чем не предавать эту Волю, даже в мелочах.</p>	<p>На мой взгляд, быть волевым человеком – это уметь укрощать свои страсти и уметь самому творить свою судьбу.</p>	<p>Довольно трудно сказать, что такое быть волевым человеком. Это зависит от ситуации. Я, например, не могу сказать, что это значит.</p>	<p>Человек, если он волевой, то знает, что надо растворить свою волю в Воле Божией. Вот понимание православного волевого человека.</p>
<p>Это проверка – Божий ты или не Божий и куда идет твоя собственная воля.</p>	<p>Можно идти разными дорогами к тому, что нам предписано Богом или Волей Божией.</p>	<p>В каких-то житейских ситуациях надо проявлять свою волю, но в основном жизнь у нас идет Божией Волей.</p>	<p>Господь ожидает от нас проявления собственных усилий. Поэтому всегда надо помнить: Бог-то – Бог, да сам не будь плох.</p>
<p>Это признак силы, только смотря каких желаний. Если эти желания способствуют спасению, то это сила, а если наоборот, то это слабость.</p>	<p>Я думаю, признак силы.</p>	<p>Наверное, слабости, потому что жить по Воле Божией – это трудно.</p>	<p>Конечно, это признак силы, если желания направлены на спасение души, если они не задевают чужих интересов.</p>
<p>Даже все вокруг почувствуют, если ты выполняешь Волю Божию и Воля Божия на тебе и ты в Ней.</p>	<p>Это на уровне интуиции.</p>	<p>Не знаю.</p>	<p>Есть понимание, что совесть – это Глас Божий в человеке. Если у тебя совесть не противоречит твоим желаниям, то это и есть Воля Божия.</p>
<p>Конечно, было.</p>	<p>Да, приходилось.</p>	<p>Приходилось отказываться. А мотив, думаю, был всегда, хотя не всегда и виден.</p>	<p>Да сто раз! Чем больше живу, тем больше вижу: чуть что-то привлекательное – это все мишура.</p>
<p>Если нет Воли Божией, конечно, должна быть неудача. Против Воли Божией не пойдешь.</p>	<p>Вопреки или не вопреки это Воле Божией?.. К сожалению, это выясняется, когда поступок уже совершен.</p>	<p>Случалось такое.</p>	<p>Ну, нет. Потому что живу в состоянии постоянного долга, вины перед кем-то за что-то обещанное и не выполненное. Когда что-то не получилось, я не расстраиваюсь, а даже радуюсь.</p>

Слова назидают, а примеры влекут взгляд из церковной сторожки

В конце темной улицы возникает силуэт большого здания – это храм Святителя Митрофана Воронежского. Его купола и кресты почти неразличимы в тусклом засвеченном небе. Тихо звенят ключи, кованая калитка приоткрывается...

– Вы Марина? – спрашивают с той стороны, и я проскальзываю на территорию спящего церковного сада. Ночь душная, а здесь влажно и свежо. Где-то струится вода. Я специально приехала так поздно, чтобы застать собеседника на рабочем месте. Владимир Лёвушкин – церковный сторож. Его смена продлится до утра. У нас есть время, чтобы успеть поговорить обо всем: о работе, о вере, о подвиге и чудесах новомучеников. Этой темой Владимир занимается особо...

– У взрослого поколения современных православных людей путь к вере складывался неоднозначно. Как Вы пришли к храму?

– Через скорби, наверное. В 33 года.

– Большинство так и остается в приделе храма, а Вы сделали серьезный шаг – пошли работать в церковь. На это ведь решиться надо.

– Я стал сторожем по совету священника. Помните 26 псалом, где царь Давид просит: «Еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего»? Эти слова запали мне в душу. Я читал их, и все устроилось практически без труда.

– Насколько мне известно, Вы сторожите не один, а несколько храмов?

– У нашего прихода до недавнего времени было их восемь. Я работаю в двух – Митрофановском и Благовещенском. Митрофановский изначально строился, чтобы детям из приютов

было ближе ходить на службу, а здесь их в свое время было целых три: принца Ольденбургского, Анастасиинский и Елизаветинский. Храм святителя Митрофана построил казначей детских приютов купец Митрофан Семенович Грачев.

– Тот самый, чья усадьба рядом Ховринским храмом?

– Тот самый.

– Ночной сторож при храме – звучит очень романтично. Какой он – ночной храм?

– Я очень люблю момент, когда после вечерней уборки, перед закрытием храма, наступает тишина. Ее редко встретишь в московских церквях: все время шепот, разговор какой-то, вентилятор гудит. Наверное, мало кто может похвалиться, что ему удалось побывать в безмолвном, тихом храме. Мне кажется, это такая особая милость Божия, для сторожей. Сторож находится в храме дольше всех. По инструкции, у него есть полчаса на дневную трапезу и полчаса на ужин. Работа сторожа очень древняя. Почти во всех старинных описаниях храмов упоминается сторожка.

– Лихие люди были во все времена.

– Как вообще любые люди. Если священник не живет в ограде, значит, должен быть кто-то, кто приглядывал бы за порядком по ночам. Кстати, в некоторых московских храмах обходятся сигнализацией. У нас сторож понадобился, когда в церковной лавке стали продавать золотые изделия, а свечницы боялись их караулить. Кроме того, в нашем храме много ценных старых икон. Двор тоже требует присмотра, территория большая, поэтому в смене работают сразу два человека: охранник и сторож. Служба хлопотная, хотя и незаметная. Сторожа часто пытаются нагрузить дополнительными обязанностями: «Чего он тут стоит, – пусть лучше сделает что-нибудь полезное, за хлебом сходит...». Люди не понимают, что если, скажем, ракетчик начнет

сажать картошку, то он уже не ракетчик. К счастью, наш начальник охраны – профессиональный военный, его усилиями сторожевая служба на нашем приходе поставлена в том виде, в каком ей положено быть. Похоже, наш небесный покровитель – преподобный Савва Сторожевский – нами доволен. Форму сторожа не носят, чтобы не смущать народ, но к подсобным работам их стараются не привлекать. Хотя раньше, когда храм только восстановили, приходилось и воду в трапезную носить, и на кухне помогать...

– **Когда-то мы с классом ездили восстанавливать старинный собор в Раменском. Местный сторож, человек удивительных познаний, рассказывал нам о принципе троичности в мироздании! С тех пор у меня сложилось убеждение, что церковные сторожа – люди философского склада, склонные к созерцанию.**

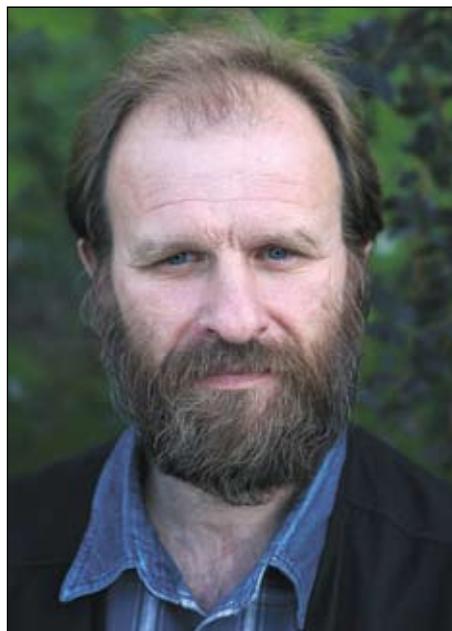
– Насчет философского склада не берусь утверждать, но я лично знаю нескольких священников и алтарников, вышедших из сторожей. Правда, это было в начале 90-х. Сейчас народ измельчал. Раньше в сторожа и кочегары уходили творческие люди, андерграундные певцы, художники, писатели. Потом началась огромная текучка кадров, и тогда найти непьющего и ответственного сторожа было проблемой.

– **А кто сегодня идет в сторожа?**

– В основном, пенсионеры. Основная цель – приработок. Нормальные люди, молодые, владеющие профессией, здесь работать не станут, деньги не те. У нас был, правда, один парень из детдома, он закончил строительный колледж и не мог устроиться на работу. Это в столице строителю да не найти работу?! Но его почему-то не брали. А остальным детдомовцам, которые к нам устраивались (наш приход курирует несколько детских домов), мы сами советовали искать другую работу. Сторож – не профессия. Да и чем здесь можно овладеть? А если человек к тому же не любит церковь, ему в сторожах вообще делать нечего. Так что эта работа далеко не для всех.

– **Вас-то что привело сюда?**

– Я пришел, когда мне нечего было терять. Специальность у меня в прямом смысле неземная, с ней тогда было сложно устроиться: инженер автоматизированных бортовых систем управления самолетами. К философии, как видите, никакого отношения не имеет. Я толком и не успел поработать по специальности, сторожем стал, практиче-

Страж памяти Владимир Лёвушкин

ски не имея трудового опыта в миру. Моим первым напарником был военный, семейный человек, он в сторожа подался в скорбное для армейских времён. Как-то они у себя в части договаривались, отпрашивались со службы, командование шло навстречу, чтобы хоть какие-то деньги люди могли получить. А у меня просто горение такое было – работать в церкви. Ничего другого я уже не искал. Все остальное поблекло. Это была та самая жемчужина, которую человек, найдя, идет и продает все, что у него было, ради нее (Мф. 13,45). Что до «мира», то меня туда больше не тянет. Я одинок – разведен. Помогаю детям по мере сил. Старшему сыну 22 года, он в этом году окончил МГУ. При поступлении в университет материальные затраты были минимальные: оплатили годичные подготовительные курсы по истории, репетиторов не нанимали. Не зря же отец работает в храме Св. Митрофана Воронежского, которому

молятся родители о благоустройстве земной жизни своих чад. Еще есть две дочки, ситуация с которыми примерно такая же. Не подумайте, что работа в церкви – это лучший способ бегства от алиментов. Иногда я сам удивляюсь, как у меня все так сложилось, но никак понять не могу. Неисповедимы пути Господни...

– **Но ведь горение неизбежно ослабевает, наступает спад. Как вы его преодолели?**

– Есть замечательные книги: «Мудрые советы» святителя Феофана Затворника, «Моя жизнь во Христе» Иоанна Кронштадтского, советы Валаамского старца схиархимандрита Иоанна (Алексеева). Когда что-нибудь непонятно, обращаюсь к ним. Феофан Затворник говорит просто: «Трудитесь, молитесь».

– **В сказках, где по сюжету присутствует церковная сторожка, непременно происходит нечто необычное, сверхъестественное. Ведь раньше в церковной ограде находились кладбища, и сторожу приходилось приглядывать за могилами. А сейчас у сторожей что-нибудь необычное случается?**

– На моей памяти никакой мистики не было, мертвые с косами не стояли. Правда, гости из соседней психушки забредают иногда – то на пол лягут, то раздеться норовят, просто теряешься, не знаешь, что с ними делать. Еще сейчас мода пошла – ходить в храм в шортах и в тапочках. Раньше мы все с женщинами боролись, потом махнули рукой: бесполезно. Теперь мужчины принялись одеваться кто во что. Мы пока не решили, как с ними быть, слишком много стало таких случаев. Вообще наблюдать за народом очень интересно. Максимум наблюдений, конечно, выпадает сторожу и свечнице. В календаре, который издается у нас на приходе, есть даже специальная рубрика – «Заметки свечницы». Сторож все-таки меньше участвует в первоначальной катехизации – большинство вопросов адресуется именно «матушке, которая записочки принимает». Как свечку поставить, что на крестины принести, когда с батюшкой поговорить, где чья

икона... Свечнице полагается знать все нюансы церковной жизни.

– А теперь о том, что привело меня сюда. Как Вы пришли к идее исследовать биографии новомучеников?

– Никакой идеи не было. Любой человек, который начинает ходить в церковь, проникаться опытом церковной жизни, старается что-то узнать. Мне попала книга из многотомного труда игумена Дамаскина (Орловского) о новомучениках, мучениках и исповедниках нашего времени. Интерес вызвала огромный. Оказалось, у нашего настоятеля, о. Димитрия, прадедушка о. Василий Смирнов – тоже новомученик. И в нашем храме тоже новомученик служил, о. Владимир Медведюк. Обоих расстреляли на Бутовском полигоне. В первый раз я поехал туда, чтобы участвовать в поминальной службе в честь Бутовских святых. И так глубоко она меня тронула... А позже я поехал на полигон, чтобы взять для нашего приходского музея том «Книги памяти жертв политических репрессий. Бутовский полигон», в котором упоминались наши святые. И тут же, едва заглянув в списки, наткнулся на своего земляка, орловца, причем из того самого поселка, где я родился. Он тоже погиб на Бутовском полигоне. Я потом специально смотрел все тома: моих земляков там оказалось около трехсот человек. Меня заинтересовала их судьба. «Можно ли

просмотреть их дела?» – думал я. Это было уже после прославления собора новомучеников, информация могла оказаться доступной. Я стал искать тех, кто занимается биографиями расстрелянных. Так я познакомился с Ниной Карповной Зверевой, нашей прихожанкой и исследовательницей житий новомучеников, и Ксенией Федоровной Любимовой, составительницей «Мартиролога расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД «Объект Бутово» 08.08.1937 – 19.10.1938». Они-то и помогли попасть в архив и сориентироваться, как в нем работать. Мне написали бумагу от храма... И тут произошло еще одно невероятное событие. Меня, непрофессионала, без всяких проверок и проволочек допустили к архивам! Так я начал изучать дела репрессированных, просмотрел более ста дел своих земляков. Интересовали меня судьбы и других погибших. Дела священников Николая Касаткина и Василия Лихарева я посмотрел «по-соседски»: один из них ховринский, а другой головинский, а потом аксиньинский. Сам я в Головинском районе живу, неподалеку от того места, где раньше стоял Казанский женский монастырь. Там раньше о. Василий Лихарев служил. Об отце Николае Касаткине ошибочно думали, что он расстрелян, но оказалось, что это не так. Он был арестован и выслан в исправительно-трудовой лагерь. В архивно-следственном деле

сохранилось его письмо Генеральному прокурору из мест заключения. Отец Николай просит вернуть его к тяжелобольной жене, за что обещает больше не служить священником и «стать честным советским гражданином». А отец Василий Лихарев был знаком с настоятелем нашего храма в Тимирязевской академии, отцом Иоанном Артоболевским. В официальном жизнеописании священномученика Василия Лихарева об этом нет ни слова. Видимо, комиссия по канонизации публикует только то, что необходимо для описания подвига новомученика, и часть материала из архивно-следственного дела остается не востребованной. А жаль, ведь такие «нюансы» порой дают неоценимые сведения о церковной жизни во время гонений.

– Подлинное понимание прошлого как раз держится на знании нюансов, а не на общих представлениях.

– Именно так. Отец Василий Лихарев, например, до ареста служил в храме иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине. Я поехал туда и с удивлением обнаружил, что о нем знает только настоятель о. Иоанн Мазов. Нет там и иконы новомученика. Священники из Ховрина и Аксиньина служили вместе, вместе пытались сохранить приход. Такое бывало во время гонений. После ареста нашего настоятеля отца Владимира Медведюка прихожан Митрофановского храма стал окормлять отец

Москва. Бутовский полигон. Конец земного пути и начало пути небесного

Владимир Амбарцумов из соседнего храма Святителя Николая в Соломенной Сторожке, тоже расстрелянного на Бутовском полигоне. У нас его очень чтут. А отец Николай Касаткин, хотя не сподобился мученической кончины и не будет прославлен, тоже немало сделал на своем приходе. В частности, ему инкриминировали, что он держал дома духовную литературу. Известно, насколько это было опасно в те годы: за одну книгу можно было угодить в лагерь! В деле отца Николая упоминается все ховринское духовенство, вплоть до монахини, прислуживавшей в Знаменском храме. Я смотрел дело, по которому она проходила, но приговора о ней не нашел; о ее дальнейшей судьбе ничего не известно. Известно лишь, что с Лубянки ее отпустили через месяц, единственную из 30 арестованных монахинь разоренного Головинского женского монастыря, и что она прислуживала у отца Николая.

Но самый удивительный случай в моей изыскательской работе связан с именем новомученика Михаила Маркова. Он был прославлен в 2004 году. Чуть раньше нам отдали храм Успения Божией Матери Патриаршего подворья в селе Мышкино, в Можайском районе. Рядом, в 12-ти километрах, в селе Горетово, находится Троицкий храм, где до 1937 года служил отец Михаил Марков, а сегодня служит наш отец Илья Шапиро. Троицкий храм пострадал очень сильно: полуразрушенный, без колокольни, трапезной и алтаря, сохранился один четверик. В советское время здесь располагалась библиотека местного дома отдыха – хорошо, хоть не дискотека. Конечно, восстанавливаемому храму необходима была икона отца Михаила. Но в деле не оказалось его фотографии. По приговору «тройки», его выслали в Мариинские лагеря, где он и скончался, а в делах обычно хранятся тюремные фотографии тех, кого приговаривали к высшей мере наказания – расстрелу (без фотографии приговор не приводили в исполнение!). Где же брать образец для иконы? В конце концов решили писать образ по общему чину. И вот, когда он был написан... нашлись родственники отца Михаила! Причем не просто родствен-

ники, а прямые потомки: сын и внук. Семья священника чудом уцелела во время раскулачивания. Но на этом чудесные события не закончились. Надо сказать, отец Илья Шапиро – поэт, он всем нашим новомученикам написал службы. И в службе, созданной им в честь священномученика Михаила Маркова, упомянуты подробности, которые не вошли в официальный текст жития. Оказывается, у отца Михаила с матушкой долго не было детей. То есть, рождаться они рождались, но умирали во младенчестве. Тогда супруги стали молиться Господу, и матушке явился святитель Московский Петр и сказал: «У вас будет сын, который останется жить, и наречется Петром». И вот этого самого Петра, сына о. Михаила, пригласили на первую службу в честь его отца в Троицкий храм. Хор пел о нем самом, а он стоял и плакал.

Мы живем в потрясающее время: еще живы дети новомучеников. Вообще, тот, кто занимается этой темой, кто обращается к мученикам, пострадавшим за Христа в XX веке, всегда чувствует их отклик. Раньше на Бутовском полигоне служили панихиды, сейчас – молебны.

– Как осуществить связь сегодняшнего поколения с поколением новомучеников? Как сделать, чтобы наши современники не просто свечки им ставили, но старались походить на них, чтобы у людей сердце так же болело о Церкви?

– Знаете, я воспитывался в то время, которое теперь принято ругать, но, наверное, это было хорошее советское время. Я до сих пор могу поименно назвать всех героев, о которых нам рассказывали в школе. А сейчас? Вот я недавно своему сыну – ему 22 года, он истфак МГУ закончил – рассказал о милиционере, который погиб, накрыв собой гранату во время теракта. Милиционер находился в отпуске и был «не обязан» это делать. И сын меня спрашивает: «Пап, а что, такие люди действительно есть?» Я задумался. Нам говорили про Александра Матросова, Зою Космодемьянскую... Слова называют, а примеры влекут. Раньше людям давали добрый пример, сегодня положительных примеров нет.

Мы пока еще не осознали опыт XX века в полной мере. Очень немногие прихожане нарекают своих детей в честь новомучеников. Но в том, что их подвиг со временем будет востребован и оценен по достоинству, я не сомневаюсь. В церковной традиции считается, что мученичество – конец преподобничества. То есть, чтобы сподобиться мученического венца, надо прожить праведную жизнь. Все-таки история святого мученика Вонифатия или одного из сорока Севастийских мучеников, когда человек в одночасье поднимается к святости, – большая редкость. А у новомучеников жития – как солнце. Среди них ведь тоже не одни монахи были, но и женатые священники, а для человека, имеющего семью, решиться на такой подвиг очень непросто. Но в их жизни столько веры, столько труда! Нам и половины не понести. Я тут вызвался подработать, нужно было брусчатку положить на приходе. Мою смею дали другому сторожу, а я с утра до пяти вечера работал. Три дня камни потаскал – и в лежку! А как же они – по 25 лет в лагерях лес валили? Сейчас, если ты на дежурстве проголодался, можно перекусить, промок – переоделся. У них ничего этого не было! Может, люди в их время из другого теста были? При всем желании последовать не получается. Мы даже в тех условиях, в каких наши родители жили, физически не выживем. Мы работники последнего, десятого часа. Утешает разве что откровение, данное Пахомию Великому, – о том, что такие вот «последние», которые даже заповедей исполнить не в силах, спасутся скорбями.

Беседовала Марина Нецветова

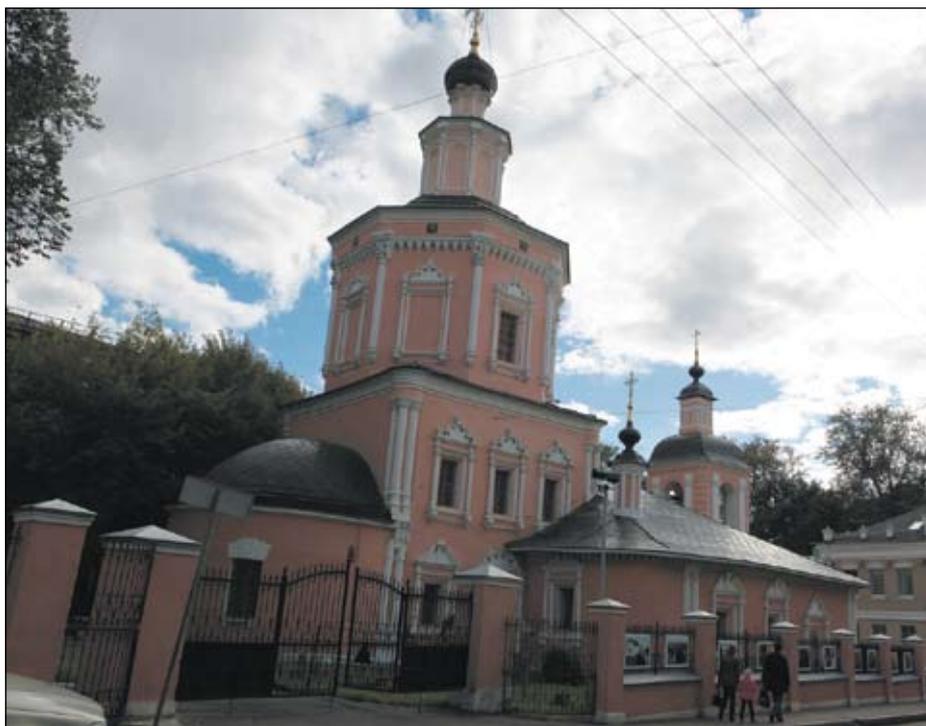

Валерий Коновалов, Юрий Рост (фото)

Протоиерей Алексей Уминский: «Я все время встречаюсь с чудом»

Каждую субботу в 8.30 утра он появляется на канале ТВЦ как ведущий передачи «Православная энциклопедия». Беседует о вере и актуальных проблемах современной жизни с самыми разными людьми, среди которых и ученые, и артисты, и врачи... Отвечает на вопросы зрителей. Такое несколько необычное распределение ролей было и на этот раз. В прямом эфире беседуют двое: один – в рясе, другой – в мирской одежде. Священник и журналист. Один задает вопросы, другой отвечает. Протоиерей Алексей Уминский – телеведущий, а я, журналист, в этот раз – гость его программы. Впрочем, необычно это лишь для всего остального телевидения, где священники появляются эпизодически, как приглашенные участники. А для самого отца Алексея профессия тележурналиста уже давно стала привычной.

– До сих пор я к ней как к профессии даже психологически относиться не могу, – говорит отец Алексей. – Потому что профессия – это когда ты полностью погружен, без остатка. Но у меня ведь есть храм. Конечно, это тоже профессией не назовешь. Это – моя жизнь. А еще есть гимназия, где я преподаватель и духовник. И тоже не могу назвать это в полном смысле слова профессией. Все это – разные стороны жизни. Все это входит в жизнь. И как-то везде получается легко. Да, бывает, устаю от эфира. Так же, как от каких-то вещей, которые требуют сильной эмоциональной нагрузки. Как и после Литургии я часто чувствую себя так, что потом не хватает сил вечером, скажем, читать книгу. Но не могу сказать, что это та усталость, что отвращала бы от дела, которым я занимаюсь. Для меня ничто из этих занятий не потеряло своей свежести.

Конечно, особое место в жизни Алексея Уминского занимает храм Живоначальной Троицы в Хохлах, где он настоятелем вот уже 17 лет. В этом году отмечают юбилей – 400-летие первого упоминания о храме в летописях. На самом деле, возраст его еще более солидный. Ведь на «Сигизмундовом плане» Москвы, датированном 1610 годом, храм уже обозначен как существующий. Значит, стоял он и раньше, и есть предположение, что деревянная

церковь была на этом месте еще в первой половине XVI века. В эти дни уже идут юбилейные мероприятия. Программа их обширна. Предполагается торжественное Патриаршее богослужение, состоится издание и презентация художественно-документальной книги о храме, выставка детского рисунка «Наш храм», выставка художественных работ прихожан храма, выставка работ иконописцев – авторов иконостаса храма, благотворительный аукцион-ярмарка в пользу заключенных и рассылка им подарков, благотворительные концерты для детей-сирот и социально незащищенных граждан, а также экскурсионная программа для пожилых и социально незащищенных людей, благотворительные спектакли. Подготовлена телепрограмма о храме. На территории храма и на Чистопрудном бульваре работают фотовыставки об истории храма. А одна из целей юбилейных торжеств – сбор средств на благотворительность, которой занимается приход. Это вообще характерная черта жизни здешней общины.

– Наш храм, – говорит отец Алексей, – это настоящая семья. Всех прихожан – а их около 400 – я знаю поименно, как и жизнь каждого человека. И сами прихожане хорошо знают друг друга. Для всех нас большая радость, что храм так сблизил людей. И здесь –

не просто место, куда люди приходят сами по себе со своей собственной печалью или радостью, нуждой или просьбой. Они этим храмом живут. И храм наполняет их жизнь.

Семья, о которой рассказывает отец Алексей, не только многочисленна, но и очень разнообразна по составу. Здесь немало известных людей, причем из самых разных сфер общества. Художник Василий Нестеренко, режиссер Павел Лунгин, адвокат Карина Москаленко, певец Иракий... Недавно прихожанкой стала теле-

СКРЕПЫ

Человек должен вопрошать себя в каждом своем действии: «Хорошо, пусть мне нравится то, что я делаю, но нравится ли это Богу?»

*Старец
Паусий Святогорец*

благодаря тому, что староста нашего храма грузин – он и привлек многих земляков. А, скажем, чтец нашего храма Александр Леонидович Дворкин – еврей. Есть, например, и индуска. И многие другие. И все это – одна семья. Для меня как для священника это самая большая радость. Я бы большего ничего и не желал.

Но так уж сложилось, что стенами храма жизнь отца Алексея не ограничивается. И речь не только о телевизионной его деятельности, которая более всего на виду. Он еще и писатель. Не так давно вышла его книга «Тайна примирения», которая вызвала у читателей огромный интерес и уже переиздана. А сейчас готовится к выпуску новая книга под условным пока названием «Заметки о высшем искусстве». Это – размышления о православной педагогике. О детях, о родителях, о семейной жизни. Тема не случайна. Ведь по своей первой специальности отец Алексей – учитель, продолжатель педагогической династии.

Интересно, что он был рукоположен в диаконы, еще работая в школе. Это было в 1990 году – время советское, атеистическое. Как же удавалось совместить вроде бы несовместимое на тот момент?

– Работал я учителем французского языка в московской школе № 332 на улице Корнейчука, был классным руководителем. И вот, когда в мае рукоположился, мой выпускной 10-й класс еще надо было довести до завершения учебного года. Так что последние деньки в школе отрабатывал, будучи диаконом. Конечно, большим секретом это ни для кого не было. И директору

«...не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное» (Мф.19, 14)

ведущая Оксана Федорова. Много в приходе и творческих людей, и профессуры, преподавателей, ученых, но и самых простых людей.

– А национальный состав нашего прихода – это Россия в миниатюре, – говорит отец Алексей. – Я недавно подсчитывал, просто для интереса, – и оказалось, что около 20 национальностей представлено у нас. Не говоря уже о том, что в храме, который носит название «в Хохлах», присутствуют представители этой славной нации. Но у нас сформировалась и достаточно большая грузинская община,

я шепнул на ушко. И ученики знали. Я ведь и на уроках говорил им о Боге, они понимали, что я верующий человек. К тому же у нас вообще в школе была интересная жизнь с учениками. Тогда общество охраны памятников – ВООПиК – устраивало субботники-воскресники на территории разрушенных храмов. Энтузиастов призывали вывозить мусор, проводить предпреставрационные работы. И мы с нашими детьми и их родителями каждое воскресенье встречались у какого-нибудь храма. Я приходил с ранней службы, где был алтарником, и мы

весь день работали на восстановлении церкви. Конечно, тогда и представить себе было нельзя, что когда-то эти храмы станут действующими. А сейчас во всех идут богослужения. И мне так радостно, что в них молятся за моих учеников, как за строителей, благоустроителей и труждающихся, которые вот эти храмы готовили к жизни. А когда прощались с ребятами после выпускного, я каждому подарил Евангелие.

Так и получилось, что одновременно выпускники Алексея Уминского шагнули в свою взрослую жизнь, а для него началась тоже новая жизнь – церковная.

Некоторое время он служил диаконом в Клину, в кладбищенской церкви, а потом был настоятелем Успенского собора в Кашире. Время было сложное, храм оказался захвачен Богородичным центром, и отцу Алексию пришлось буквально отвоевывать его, а уже потом налаживать приходскую жизнь. Через три года служения состоялся перевод в Москву, где отец Алексей стал клириком храма святого князя Владимира, а затем – настоятелем Троицкого храма.

Телевизионная стезя стала неожиданным, но вполне логичным продолжением этого пути.

– За время работы на телевидении я встретил много замечательных людей, неожиданно раскрывающихся перед тобой, – говорит отец Алексей. – Понятно, что священник и сам по себе встречает очень разных людей. И в этом смысле священнический труд необыкновенно радостен. Потому что, с одной стороны, он встречается с человеком в его горе, несчастье или в каком-то греховном повреждении. Но с другой стороны, он все время видит, как Господь вдруг может неожиданно преобразить человека так, что тот, как цветок, расцветает. И это, конечно, одна из самых главных радостей жизни священника. Но вот и в труде тележурналистском тоже встречаешь эту радость. Потому что, когда говоришь о пути к Богу, тоже раскрывается какая-то удивительная сторона человеческой жизни. Все время встречаешься с чудом. Вот, скажем, директор дома слепоглухонемых детей в Сергиевом Посаде. Человек, который просто живет в святости. Или директор хосписа № 1 Ирина Миллионщикова – совершенно чудный человек. Или Юрий Николаевич Арабов – прекрасный сценарист и писатель. И Алексей Львович Рыбников – замечательный композитор. Я уж не говорю о тех священниках, которые, придя на эфир, не только зрителей, но и меня могут многому научить. Вот отец Алексей (Поликарпов) частый гость нашей программы – совершенно удивительный духовный человек. Можно перечислять и перечислять.

Встречается со своими героями отец Алексей не только в студии, но и в самых разных географических точках – от Калининграда до Сахалина, от

северных окраин до среднеазиатских территорий.

– Всегда маленькое чудо – присутствие Бога в нашей жизни, – говорит отец Алексей. – И когда в командировках видишь людей, которые пришли к Богу через многие сложности, жизненные катаклизмы и разрухи, и понимаешь, что Бог рядом с этим человеком, то сердце радуется. Я вспоминаю общину для наркозависимых, которая основана под Новосибирском отцом Александром Новопашиным. Они живут, как, наверное, в первых христианских мо-

нашеских общинах. Друг за друга держатся, друг друга поддерживают. Совершенно открыты друг перед другом, потому что это одно из условий их спасения. Видишь, как они возвращаются к жизни. Они живут совсем непритязательно – в простых избах, едят самую простую пищу, которую готовят своими руками. Ухаживают за животными. У них монашеский устав, который они выбрали сами. Они трудятся и молятся. Как дети искренне. С ними говоришь и чувствуешь, что рядом Господь. И я могу назвать это чудом.

Ванюша Рост и слышит звон, и знает, откуда он

Дмитрий Шеваров

«Блажени алчущии и жаждущии правды...»

*Ушли родители, уходят сверстники.
Куда уходят? Кажется: это неугадаемо,
непостижимо, нам не дано.
Однако с какой-то преданной ясностью просвечивает,
мерцает нам, что они –
нет, не исчезли.
И – ничего больше мы не узнаем,
пока живы.*

А.И. Солженицын

Мое поколение и по дате рождения, и по первому мировоззренческому осознанию себя в этом мире без натяжки может называться солженицынским. Мы, родившиеся в 1962-м, – ровесники «Одного дня Ивана Денисовича». Именно в этот год в одиннадцатом номере «Нового мира» был напечатан рассказ, с которого очень многое в СССР забрезжило и очень многое понеслось к обрушению. Так началась эпоха Солженицына.

Но сейчас почему-то не хочется говорить об эпохе, об истории, о вехах, о борениях, которых вокруг Солженицына всегда было (и еще будет) много. Вспоминается почему-то тихое, совсем не важное для других, но если вот тут, сейчас вспоминается, значит, и в этом малом воспоминании есть какая-то скрепа твоей жизни с жизнью страны, со временем бытия твоего народа.

...Сентябрь в середине 70-х. Мы с мальчишками во дворе увязываем пачки с только что собранной макулатурой, чтобы тащить в школу. Вдруг из старых газет высыпается несколько узких полосок фотобумаги. Полоски необычные, странные. Каждая усеяна махонькими буквочками, а что написано – разглядеть невозможно. На газетах написан номер квартиры, и мы несем туда эти полоски. Там живет дядя Шурик, симпатичный преподаватель математики. Вдруг эти полоски нужны ему для научной работы? Он открывает дверь, мы протягиваем нашу находку: «Не ваше?» Дядя Шурик бледнеет, хватается полоски, потом выбегает вместе с нами во двор, трясет газеты и журналы, но больше оттуда ничего не выпадает, кроме фантиков от конфеты «Ну-ка отними!». Шурик жмет каждому из нас руку: «Спасибо, ребята, вы меня просто спасли». А мы и не понимаем толком, отчего вдруг такая честь. Между собой решили, что это были какие-то важные научные бумажки.

Лет через десять вместе с Шуриком, благополучно защитившим к

тому времени кандидатскую диссертацию, мы попали на военные сборы, и как-то вечером, под звездами, он рассказал мне, что на тех полосках, выпавших из макулатуры, были главы «Архипелага ГУЛАГ», переснятые на микроплёнку.

* * *

К зданию Академии наук, где проходило прощание с Александром Исаевичем, я шел по лабиринту выставленных металлических ограждений. Возможно, предполагалось скопление людей, длинная очередь, которую эти ограждения должны были бы как-то регулировать.

Но вот не понадобилось сдерживать людей (во всяком случае, в тот час, когда я пришел к зданию президиума РАН). Реденькой цепочкой люди шли впереди меня и позади, и под серым дождем само собой возникло ощущение сиротства, крайнего одиночества. И почему-то подумалось, что каждый из нас идет сквозь этот дождь к своему Солженицыну, сокровенному и непонятному для других. Видно, такова участь человека, который за неполные девяносто лет своей жизни пронзил огромный пласт времени, повлиял на образ мыслей и судьбы миллионов людей.

* * *

Александра Исаевича Солженицына хоронили в день памяти святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба, «положивших живот свой

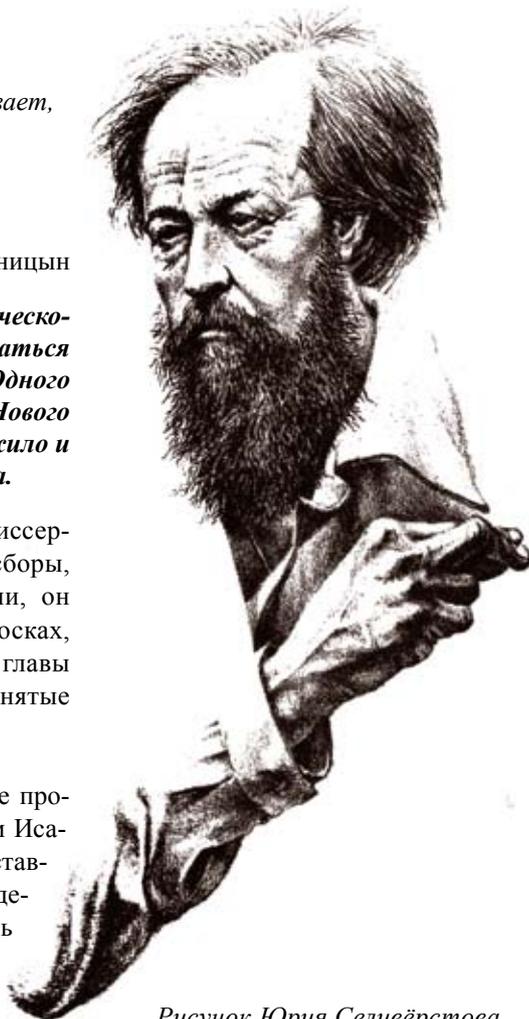

Рисунок Юрия Селивёрстова

за други своя». Молодые князья могли скрыться от своих врагов, могли убежать, могли вывести свои дружины и дать бой, но они предпочли выйти безоружными и погибнуть.

Что-то подобное, только без такого трагического финала, произошло с рязанским учителем математики Александром Солженицыным, когда он вышел со своим обнаженным, бесцензурным словом к людям. Что было у него за спиной? Ни связей, ни покровительства, ни денег, ни здоровья. Могли он тогда надеяться, что у него, бывшего лагерника и ракового больного, впереди еще целых сорок лет жизни, счастливое отцовство, мировая слава и Нобелевская премия? Тогда, в 60-х, у него за спиной была только великая русская литература и надежда на помощь Божию.

* * *

Я виделся с Александром Исаевичем четыре или пять раз. Иногда это были минуты, а однажды я был рядом с ним почти целый день. Но произнести: «Я встречался с Солженицыным» – нет, немислимо. Звучит как-то самонадеянно, почти пародийно. Хотя для меня это, конечно, встречи. И скоро, наверное, захочется припомнить и записать все о них в подробностях. Но это потом, а пока просто вспоминаю Александра Исаевича. Как удивительно сочетались в нем летящая навстречу тебе доброжелательность с невероятной четкостью и стремлением предельно насытить мыслями и поступками каждую минуту пребывания на этой земле. Он умел чувствовать главное и предельно концентрироваться на нем.

Весь образ его существования начисто ломал стойкие представления о русском человеке как стихийном, шальном и бессистемном существе, подверженном лишь эмоциям. Это стремление к самоорганизации и самодисциплине Солженицын настойчиво пытался внушить всем окружающим, всем читателям, всему народу, считая, что мы заимствуем у Запада вовсе не то, что стоило бы. А стоило бы перенять систему местного самоуправления, дополнив ее нашими, отечественными традициями. Увы, наши политики в 90-е годы не были еще способны воспринимать идеи Солженицына, видя в нем лишь интересную, экзотическую фигуру, знаменитого писателя, но не более того. Не прислушавшись тогда к Солженицыну, к его предупреждениям и советам, власть ввергла страну в разрушительные эксперименты, в которых были потеряны миллионы жизней.

Многим сейчас кажется, что Солженицын тогда, в начале 90-х, переоценил силу своих идей и нашу восприимчивость к ним. Говорят, что деньги в России оказались сильнее призывов писателя к нравственному совершенствованию, а тотальная реклама потребительства навсегда похоронила идеи самоограничения и национальной самодостаточности. Если судить по тому, что на поверхности, то все так и есть. Люди, думающие о смысле жизни, читающие стихи и переживающие за судьбу страны, сегодня выглядят мар-

гиналами; скоро их придется заносить в Красную книгу вымирающих видов.

Но Россия историческая, подлинная – она никогда не жила в одном измерении. Время от времени она являет миру пример невозможного. Того, чего ни по каким рациональным выкладкам быть не могло в принципе. Не могло быть Сергия Радонежского и Серафима Саровского, почти невероятно было появление на свет Ломоносова и Пушкина, маловероятен был май 1945-го, абсолютным шоком для всего мира было появление в космосе Гагарина. Солженицын же, как был для руководителей страны в 1962 году непонятно откуда свалившейся проблемой, так остается ею до сих пор. Его идеи – для власти все такой же загадочный сгусток противоречивых и могучих энергий, которые непонятно когда и как сработают. Поэтому абсолютно понятно стремление засахарить Солженицына, а самые глубокие его идеи покрепче законсервировать. Вот сейчас слышу с экрана: «ушла эпоха Солженицына», «проводим эпоху»... А не торопимся ли? Я убежден, что с эпохой Солженицына рано прощаться.

* * *

Во время отпевания Александра Исаевича в Донском монастыре мы с женой стояли в тесном притворе. Мимо тихонько текли люди, какие в московской толпе давно уже неразличимы. Поседевшие «вечные студенты» в очках с толстыми линзами, в потертых свитерах и заношенных ветровках – таких я видел в читальных залах и в очередях на подписку. Сутулые, погруженные в себя, близорукие старики с лицами, обрамленными седыми, неухоженными бородками, – таких я встречал когда-то в букинистических магазинах. Скользят как тени худенькие пожилые женщины, им давно за семьдесят, но не повернется язык назвать их бабушками – так изящно, строго они одеты из последних своих запасов. Слепой старик с палочкой – почти бескровное, бледное лицо, и даже за прикрытыми глазами читается несуетный глубокий ум.

Глядя на текущую мимо меня реку людей, я неотвязно вспоминал П. Корина с его набросками к картине «Русь уходящая». Люди, пришедшие в Дон-

ской монастырь проводить Солженицына, были совсем не похожи на тех могучих богатырей, суровых стойков и неприступных аскетов, которых так топорился запечатлеть художник в начале 30-х. Внешне – и, очевидно, духовно – они совсем-совсем другие. Но ведь и они – Русь.

Насколько эта сегодняшняя Русь советская или антисоветская – тут, в храме, это абсолютно не важно. Важно, что Русь. Важно, что уходящая...

* * *

Народу в соборе все прибывает и прибывает, и все больше знакомых, узнаваемых лиц, но вокруг нет даже шелеста голосов. Все остаются сосредоточены на чем-то своем, глубоком: на свече в руках, на мыслях, на молитве... Только когда монахи запели «Блаженны алчущии и жаждущии правды: яко тии насытятся...», все чуть шелохнулось, заоглядывались друг на друга, вдруг остро и одновременно ощутив, что эта заповедь ни к кому не приложима так точно, как к Александру Исаевичу. Воистину Солженицын *алкал и жаждал* правды. Отсюда все его открытые письма, всё его страстное проповедничество, все его «перехлесты», все его книги, которые и через сто лет будут обжигать совесть.

«Всем, кому не хватило жизни...» – с этих слов начинается главная книга А.И. Солженицына.

Жизни всегда не хватает.

СКРЕПЫ

Каждый человек должен употребить во благо данный ему талант. Ведь Бог, наделивший человека каким-либо дарованием, потребует от него отчета

*Старец
Паисий Святогорец*

«Крохотки» – это 32 литературные миниатюры, написанные в два периода: 1958 – 1960 и 1996 – 1999 годы (исключение – «Молитва»: датирована 1963 г.). Трудно представить, что эти в самом деле крохотки написаны тем же пером, что и колоссы «Красное колесо» или «Архипелаг ГУЛАГ». Но таков дар этого человека – и в малом великое увидеть, и в малом великое показать.

УТЁНОК

Маленький жёлтый утёнок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бегаёт передо мной и пищит: «Где моя мама? Где мои все?» А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела равно всех. Сейчас перед непогодой их домик – перевёрнутую корзину без дна – отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чём тут держится душа? Не весит нисколько, глазки чёрные – как бусинки, ножки – воробьиные, чуть-чуть его сжать – и нет. А между тем – тёпленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и жёлт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы – мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмёмся, – за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! – никогда, со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, – не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка...

ГОРОД НА НЕВЕ

Преклонённые ангелы со светильниками окружают византийский купол Исаакия. Три золотых гранёных шпиля перекликаются через Неву и Мойку. Львы, грифоны и сфинксы там и здесь – оберегают сокровища или дремлют. Скачет шестёрка Победы над лукавою аркою России. Согни портиков, тысячи колонн, вздыбленные лошади, упирающиеся быки...

Какое счастье, что здесь ничего уже нельзя построить! – ни кондитерского небоскрёба втиснуть в Невский, ни пятиэтажную коробку сляпать у канала

Грибоедова. Ни один архитектор, самый чиновный и бездарный, употребив всё влияние, не получит участка под застройку ближе Чёрной Речки или Охты.

Чуждое нам – и наше самое славное великолепие! Такое наслаждение бродить теперь по этим проспектам! Но стиснув зубы, проклиная, гния в пасмурных болотах, строили русские эту красоту. Косточки наших предков слежались, сплавились, окаменели в дворцы – желтоватые, бурые, шоколадные, зелёные.

Страшно подумать: так и наши нескладные гиблые жизни, все взрывы нашего несогласия, стоны расстрелянных и слёзы жён – всё это тоже забудется начисто? всё это тоже даст такую законченную вечную красоту?..

ШАРИК

Во дворе у нас один мальчик держит пёсика Шарика на цепи, – кутёнком его посадил, с детства.

Понёс я ему однажды куриные кости, ещё тёплые, пахучие, а тут как раз мальчик спустил беднягу побегать по двору. Снег во дворе пушистый, обильный, Шарик мечется прыжками, как заяц, то на задние лапы, то на передние, из угла в угол двора, из угла в угол, и морда в снегу.

Подбежал ко мне, лохматый, меня прыгал, кости понюхал – и прочь опять, брюхом по снегу!

Не надо мне, мол, ваших костей, – дайте только свободу!..

КОСТЁР И МУРАВЬИ

Я бросил в костёр гнилое брёвнышко, не рассмотрел, что изнутри оно густо населено муравьями.

Затрещало бревно, вывалили муравьи и в отчаяньи забегали, забегали поверху и корёжились, сгорая в пламени. Я зацепил брёвнышко и откатил его на край. Теперь муравьи многие спасались – бежали на песок, на сосновые иглы. Но странно: они не убежали от костра. Едва преодолев свой

ужас, они заворачивали, кружились и – какая-то сила влекла их назад, к покинутой родине! – и были многие такие, кто опять избегали на горящее брёвнышко, металась по нему и погибали там...

МЫ-ТО НЕ УМРЁМ

А больше всего мы стали бояться мёртвых и смерти.

Если в какой семье смерть, мы стараемся не писать туда, не ходить: что говорить о ней, о смерти, мы не знаем...

Даже стыдным считается называть кладбище как серьёзное что-то. На работе не скажешь: «на воскресник я не могу, мне, мол, моих надо навестить на кладбище». Разве это дело – навещать тех, кто есть не просит?

Перевезти покойника из города в город? – блажь какая, никто под это вагона не даст. И по городу их теперь с оркестром не носят, а быстро прокатывают на грузовике.

Когда-то на кладбищах наших по воскресеньям ходили между могил, пели светло и кадили душистым ладаном. Становилось на сердце примирённо, рубец неизбежной смерти не сдавливал его больно. Покойники словно чуть улыбались нам из-под зелёных холмиков: «Ничего!.. Ничего!..»

А сейчас, если кладбище держится, то вывеска: «Владельцы могил! Во избежание штрафа убрать прошлогодний мусор!» Но чаще – закатывают их, ровняют бульдозерами – под стадионы, под парки культуры.

А ещё есть такие, кто умер за отечество, – ну, как тебе или мне ещё придётся. Этим Церковь наша отводила прежде день – поминовение воинов, на поле брани убиенных. Англия их поминает в День Маков. Все народы отводят день такой – думать о тех, кто погиб за нас.

А за нас-то – за нас больше всего погибло, но дня такого у нас нет. Если на всех погибших оглядываться – кто кирпичи будет класть? В трёх войнах теряли мы мужей, сыновей, женихов – пропадите, постылые, под деревянной крашеной тумбой, не мешайте нам жить! Мы-то ведь никогда не умрём!

КОЛОКОЛЬНЯ

Кто хочет увидеть единым взором, в один окоём, нашу недотопленную Россию – не упустите посмотреть на калязинскую колокольню.

Она стояла при соборе, в гуще изобильного торгового города, близ Гостиного двора, и на площадь к ней спускались улицы двухэтажных купеческих особняков. И никакой же провидец не предсказал тогда, что древний этот город, переживший разорения жестокие и от татар, и от поляков, на своём восьмом веку будет, невежественной волей самодурных властителей, утоплен на две трети в Волге: всё бы спасла вторая плотина, да поскудились большевики на неё. (Да что! – Молóга и вся на дне.) И сегодня, стань на прибрежной грани, – даже воображению твоему уже не поднять из хляби этот изневольный Китеж, или Атлантиду, ушедшую на дюжину саженей глубины.

Но осталась от утопленного города – высокостройная колокольня. Собор взорвали или растащили на кирпичи ради нашего будущего – а колокольню почему-то не доспели свалить, даже вовсе не тронули, как заповедную бы. И – вот, стоит из воды, добротнейшей кладки, белого кирпича, в шести ярусах сужаясь кверху (полтора яруса залито), в последние годы уж и отмостку присыпали к ней для сохранности низа, – стоит, нисколько не покосясь, не искривясь, пятью просквоженными пролётами, а дальше луковкой и шпилем – в небо! Да ещё на шпиле – каким чудом? – крест уцелел. От крупных волжских теплоходов, не добирающих высотой, как издали глянуть, и на пол-яруса, – шлёпают волны по белым стенам, и с палуб уже пятьдесят лет глазают советские пассажиры.

Как по израненным, бродишь по грустным уцелевшим улочкам, где и с покошенными уже домишками тех поспешно переселённых затопленцев. На фальшивой набережной калязинские бабы, сохраняя старую приверженность к исконной мягкости и чистоте волжской воды, тщатся выполаскивать бельё. Полузамерший, переломленный, недобитый город, с малым остатком прежних отменных зданий. Но и в этой запусте у покинутых тут, обманутых

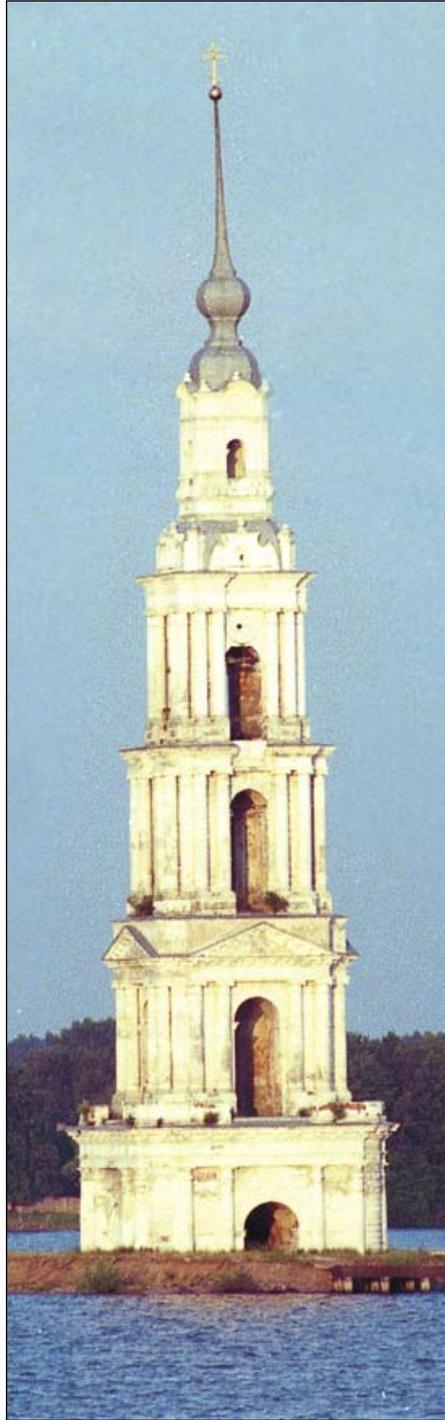

Фото В. Монастырева

людей нет другого выбора, как ж и т ь. И жить – здесь.

И для них тут, и для всех, кто однажды увидел это диво: ведь стоит колокольня! Как наша надежда. Как наша молитва: нет, в с ю Русь до конца не попустит Господь утопить...

ПОЗОР

Какое это мучительное чувство: испытывать позор за свою Родину.

В чьих Она равнодушных или скользких руках, безмыслие или корыстно правящих Её жизнь. В каких заносчивых, или коварных, или стёртых лицах видится Она миру. Какое тленное пойло вливают Ей вместо здоровой духовной пищи. До какого разора и нищеты доведена народная жизнь, не в силах взяться.

Унизительное чувство, неотстанное. И – не беглое, оно не переменяется легко, как чувства личные, повседневные, от мелкучих обстоятельств. Нет, это – постоянный, неотступный гнёт, с ним просыпаешься, с ним проволочиваешь каждый час дня, с ним роняешься в ночь. И даже через смерть, освобождающую нас от огорчений личных, – от этого Позора не уйти: он так и останется висеть над головами живых, а ты же – их частица.

Листаешь, листаешь глубь нашей истории, ищешь ободрения в образах. Но и знаешь неумолимую истину: бывало, и вовсе гибли народы земные. Это – бывало.

Нет, другая глубь – той четверть сотни областей, где побывал я, – вот та дышит мне надеждой: там видел и чистоту помыслов, и неубитый поиск, и живых, щедродушных, родных людей. Неужель не прорвут они эту черту обречённости? Прорвут! ещё – в силах.

Но Позор висит и висит над нами, как жёлто-розовое отравленное облако газа, – и выедаёт наши лёгкие. И даже сдуй его прочь – уже никогда не уберём его из нашей истории.

МОЛИТВА

О РОССИИ

Отче наш Всемилостивый!
 Россиюшку Твою многострадную
 не покинь в ошеломлении нынешнем,
 в её израненности, обнищании
 и в смутности духа.
 Господи Вседержитель!
 Не дай ей, не дай пресечься:
 не стать больше быть.
 Сколько прямодушных сердец
 и сколько талантов
 Ты поселил в русских людях.
 Не дай им загинуть, погрузиться во
 тьму, –
 не послуживши во имя Твоё!
 Из глубин Беды –
 вызволи народ свой неукладный.

Дмитрий Шеваров

«ЧУДНЫЕ МОИ ДЕТИ...»

Автопортрет

Ее картины легко воскрешаются в памяти. Старый дом, где счастье ходит на цыпочках. Двор, увиденный из открытого окна. Степные дали с одинокой фигуркой пастуха. Дети, крестьянки, балерины – все погруженные в себя, задумчивые, тихие. И кажется странным говорить о ее творчестве в искусствоведческих терминах. Тут хочется нетерпеливо и горячо рассказывать, сбиваясь на что-то свое, детское и далекое, чтобы потом умолкнуть бессильно да тихо пожать руку той, что внимала тебе признательно и затаенно.

Серебрякову издавали и в советские годы, но достать ее альбом было немислимо. Во всяком случае, у моего дедушки Леонида, выпускника монументально-фрескового отделения института искусств, с юности влюбленного в работы Серебряковой, – у него были только открытки с репродукциями, отпечатанные ленинградской типографией имени Ивана Федорова в начале 1930-х годов. Одна из них, «Девушка со свечой», всегда стояла в рамке на дедушкином секретере.

Недавно в Москве издали небольшой альбом Серебряковой, и мне он оказался по карману. Теперь, когда мне недужит, смотрю на серебряковских детей,

Глядя на работы Серебряковой, будь то портреты или пейзажи, мы видим не виртуозную технику, не философию или новаторские поиски, мы видим любовь. Нет, не страсть или порыв, а любовь милосердную, сестринскую, самую тихую и глубокую, на какую способен человек. Рядом с полотнами Серебряковой на тебя словно падает первый светлый луч солнца.

крестьянок, балерин, и силы откуда-то притекают. И кажется: Богородица коснулась художницы еще, наверное, в колыбели – так спасителен и по-девичьи целомудрен ее светлый дар...

Родилась Зинаида Серебрякова в селе Нескучном (было такое в Харьковском уезде Курской губернии), в имении своего отца Евгения Александровича Лансере. Зина была младшей в большой семье, где росло шестеро детей.

Род Лансере – истарихи художественный. Прадед и дед – архитекторы; отец – скульптор; мать – портретистка и мастерица по фарфору; дяди – знаменитый глава «Мира искусства» Александр Бенуа и акварелист Альберт Бенуа; брат Евгений – автор первых и лучших иллюстраций к «Хаджи-Мурату»...

Зине было два года, когда умер отец. Похоронили его в ограде деревенской церкви, что стояла через дорогу от усадьбы, на берегу реки Муромки.

Худенькая девочка, быстрая в движениях, но болезненно застенчивая, молчаливая, – она любила уединение в родном доме, стены которого помнили и отца, и деда, и прадеда. Это была деревянная, екатерининских времен, усадьба с высокими потолками. И такие дали открывались за окнами...

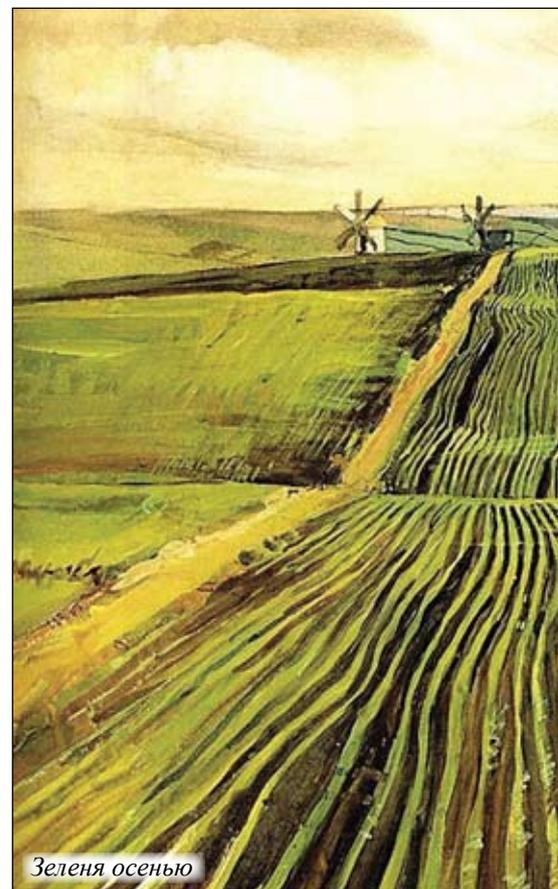
Александр Бенуа вспоминал, что «росла Зина... нелюдимым ребенком, в чем она напоминала отца и вовсе не напоминала матери, ни братьев и сестер, которые все отличались веселым и общительным нравом. И все же несомненно, что Зина была возвращена той атмосферой, которая вообще царил в нашем доме...»

В этой атмосфере не было ничего барского или богемного. Дети, глядя на поглощенных трудами и творчеством

взрослых, с радостью брались продолжать их дело. Оба старших брата Зинаиды Серебряковой – Евгений и Николай – стали художниками, профессорами Академии художеств.

Первую славу двадцатипятилетней художнице принес автопортрет «За туалетом». Он был показан в 1910 году на выставке Союза русских художников в Петербурге. Картина тут же была приобретена Третьяковской галереей! А ведь Серебрякова не заканчивала ни школ, ни институтов, ни академий. Вспоминала в конце жизни: «У меня не было ни одного учителя рисования...». Не умела, по собственному признанию, рисовать руки.

О том, как появился этот автопортрет, Зинаида Евгеньевна вспоминала: «Я ре-

Зеленая осенью

шила остаться с детьми в Нескучном, но на хуторе, где дом был маленький, и его можно было протопить зимой легче, чем большие высокие комнаты... Мой муж Борис Анатольевич был в командировке, зима в этот год наступала ранняя, все было занесено снегом – наш сад, поля вокруг, всюду сугробы, выйти нельзя. Но в доме на хуторе тепло и уютно, и я начала рисовать себя в зеркале...»

Нескучное располагалось в долине реки Муромки. На одном берегу стояла двухэтажная усадьба семьи Лансере, на другом – небольшой дом, принадлежавший семье Серебряковых. При первой же встрече девятнадцатилетняя Зина влюбилась в обаятельного, очень доброго и всегда немного смущенного студента Бориса Серебрякова, мечтавшего о путешествиях и открытиях. Начиная художница и будущий инженер-изыскатель обвенчались в сентябре 1905 года. Юная чета Серебряковых отправилась в свадебное путешествие в Европу. А потом снова деревня, Нескучное.

Здесь она обрела свою главную тему – крестьянскую, будто по наследству доставшуюся ей от самого Венецианова. Ее «Жатва», «Крестьяне» и «Беление холста» написаны будто бы не хрупкой юной женщиной, а могучим мастером

Окно

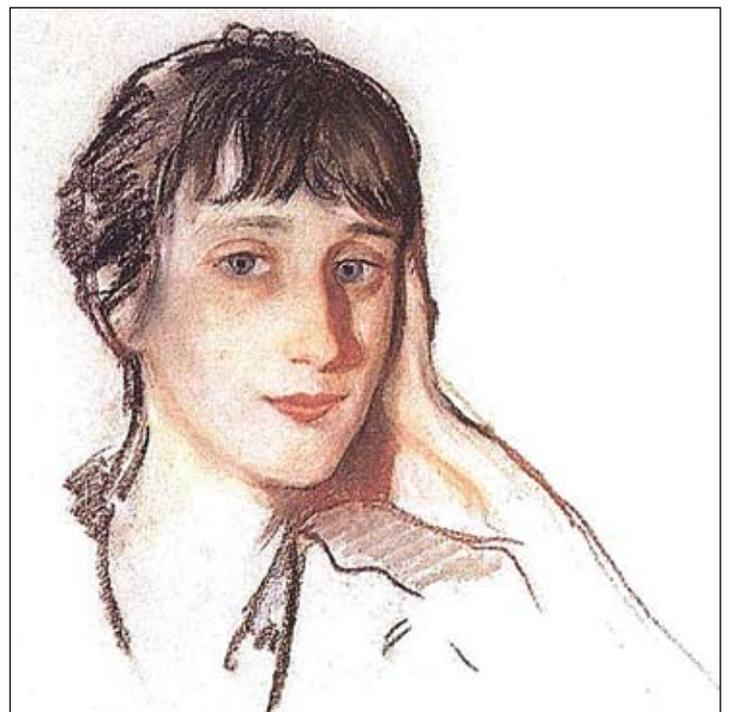
За завтраком

Детская в Нескучном

Портрет Бориса Серебрякова

Портрет Ахматовой

эпохи Возрождения – такая в них сила и совершенство.

Под сенью дружного дома, где, как у Ростовых в «Войне и мире», все были чуть-чуть влюблены друг в друга, один за другим рождались дети: сначала мальчишки – Женя и Саша, позднее девочки – Таня и Катя. И при этом Зине так счастливо работалось! Она много рисовала своих детей. Правда, почти везде они нарисованы спящими. Это можно легко понять и по названиям ее работ той поры: «Спящая девочка», «Женя спящий», «Шура под лоскутным одеялом», «Спящая Леля», «Спящая на животе Шура», «Спящий ребенок»...

Глядя на это чудесное «сонное царство», вдруг открываешь: любой дар Божий в материнстве преумножается многократно! И речь не о том только, что этот дар передается детям и расцветает в них. Нет, он незримо растет и готовится явить себя миру и в те минуты, когда юная мать всецело посвящает себя малышам, когда ей и вздохнуть некогда, когда быт давит со всех сторон и ни о каком искусстве женщина и не помышляет. Просто, когда дети спят, она берет в руки карандаш и рисует, чтобы запечатлеть свое счастье. И это «маленькое» счастье рано или поздно становится явлением в мировом искусстве. Поистине, нет свечи, которая не была бы поставлена на подсвечник.

Какой это, мне кажется, сильный аргумент для тех молодых женщин, которые, опасаясь за свой талант, самореализацию или карьеру, «откладывают» рождение детей до лучших времен. С появлением ребенка ничего не отнимется, но многое будет послано буквально даром!

Автопортрет «Девушка со свечой» не только закрепил за двадцатипятилетней художницей почетное место в первом ряду русских живописцев, но и произвел особенное впечатление на современников. Хрупкость, беззащитная нежность девушки на портрете всех тогда поразили. Мода была совсем на другое – на изломанность, вычурность и откровенную чувственность.

На портрете за спиной девушки стоит ночь, тьма. В этом было предощущение беды. Будто предчувствуя разлуку, Зина торопится запечатлеть счастливые домашние минуты: задумчивый муж с книгой, вся семья в комнате, дети играют... «Еще на малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет...»

Дом в Нескучном вместе с библиотекой, множеством рисунков и холстов

сожгут крестьяне. (Как хочется верить, что это были не те крестьяне, которых рисовала художница, не те, для которых Серебряковы и Лансере устраивали новогодние елки...)

В правом углу этюда «Дом в Нескучном», едва приметно, карандашом написано: «Нескучное. После первого погрома, 1919». И тогда вдруг видишь, что в милой усадьбе с безмятежно белыми колоннами окна зияют пустотой, в них выбиты рамы, а порог дома зарос бурьяном.

22 марта 1919 года Борис Анатольевич умирает на руках у Зины от сыпного тифа. Четверо маленьких детей, старенькая мама Екатерина Николаевна – все теперь на ней. Скитания. Голод. Художница рисует пособия для отдела археологии харьковского музея.

Отъезд в Петроград. Современник вспоминает: «Коллекционеры задаром, за продукты и поношенные вещи обильно брали ее произведения...»

Недавно в Москве была издана переписка Серебряковой со своими родными. Даже небольшие отрывки из писем заставляют сжаться сердце от сострадания художнице, оставшейся в 33 года вдовой с четырьмя детьми. После этого ее картины предстают не только прекрасным явлением искусства XX века, но и свидетельством жизненного подвига русской женщины.

И тут великая загадка встает перед каждым, кто вглядывается в ее работы: ну, почему один человек рождается с солнцем в душе и никакие беды не в силах затемнить его, а другой может всю жизнь прожить благополучной и сытой тучей?..

В голодный и холодный 1921 год Зинаида Серебрякова пишет в письме: «Я шью целыми днями..., удлиняю Катюше платье, чиню белье... Приготовляю сама масляные краски – растираю порошки с маковым маслом... Живем мы по-прежнему каким-то чудом...»

В 1924 году Александр Бенуа помогает племяннице уехать в Париж. Она надеется там устроить свою выставку, подработать и вернуться. Поэтому детей оставляет с бабушкой.

Никаких денег Париж не принес, но Серебрякова решает остаться во Франции, вызывает к себе семью. Детей и бабушку власти не выпускают. Только с помощью Красного Креста удается переправить через границу сына Сашу и дочь Катю. Женя и Таня остались со слепнувшей бабушкой. Серебрякова стучалась во все двери, но их так и не выпустили. Зи-

наида Евгеньевна увиделась с Евгением и Татьяной лишь через 36 лет после разлуки – в 1960 году! Бабушка Екатерина Николаевна умерла в 1933 году, так и не дождавшись встречи ни с дочерью, ни со старшим сыном Николаем.

Эмиграция, возможно, спасла Серебрякову, но жизнь вне Родины была сплошным страданием. Разлука с близкими усугублялась невозможностью писать любимое и родное. «Вот если бы все было иначе в моей жизни, – горестно писала Зинаида Евгеньевна в 1962 году, – и я могла бы рисовать то, что я люблю, то есть красоту крестьянской жизни, «венециановские» сюжеты, было бы все иначе...»

К «рыночным» отношениям художница так и не приспособилась. Друживший с Серебряковой Константин Сомов писал в дневнике: «Вчера видел Зину. Заказов нет. Одна нищета... И у нее, как всегда двадцать два несчастья. На днях потеряла последние 500 франков...»

Первая персональная выставка Серебряковой в Париже состоялась (в российском посольстве) лишь в 1995 году – почти через тридцать лет после ее упокоения на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. На этой выставке, подготовленной дочерью Татьяной, была собрана лишь небольшая часть работ, написанных Серебряковой в эмиграции, но всем стал очевиден и огромный труд, и верность своему светлему гению. Никакие «измы» не могли увлечь ее.

Когда в конце жизни к ней пришла слава и ее выставки с огромным успехом прошли в СССР, она и тогда по-прежнему считала своими лучшими произведениями своих детей: Евгению, Александру, Татьяну и Екатерину. «Чудные мои дети...»

Почти все внуки и правнуки Серебряковой связали свою жизнь с искусством. Среди них – живописцы, архитекторы, иконописцы...

В последние годы самые престижные аукционные дома сражаются за право выставить на торги хотя бы эскиз Серебряковой. Лучшие галереи мира гордятся, если в их собрании есть хоть одна работа русской художницы. Видно, какая бы мода не была на дворе, человек, пока жива у него душа, тянется к тонкой соломинке света. Но глупо опасаться, что кто-то перекупит у тебя эту соломинку. Смешно трясти кошельком и бегать по аукционам. Для счастья иногда довольно репродукции, вырезанной из журнала. Или просто бликов летнего солнца на деревянном полу.

КАК ВОСПИТЫВАТЬ ПАПУ

Папы – это такие большие ребёнки. Любить их надо непременно. А так как папа это ребёнок, только большой, любви он требует больше. Если папу не любить, он может отбиться от рук или от дома и потеряться. Папу нужно постоянно воспитывать. Мы с мамой занимались этим неправильно. Но теперь регулярно смотрим телепередачу «Здоровые папы» и поняли, что мы делали не так. Мы хотим поделиться этим с вами, чтоб и вы не ошиблись и не запустили папу.

УТРО

Будить папу надо постепенно. Нельзя громко кричать, таскать его за нос, бить подушкой или бросать утюг на живот. Он может испугаться, обидеться, и день у него будет испорчен. И у вас. Можно ласково погладить по щеке, поцеловать в лобик и сказать что-то вроде:

– Солнышко уже встало, птички поют, и мы просыпаемся, просыпаемся, вот уже проснулись... Да вставай же, наконец, лентяй! – Нет-нет, так нельзя.

Когда папа встанет с постели, проводите его в туалет и в ванную. Там можно оставить его одного. Обычно он с удовольствием моется, бреется, брызгает на себя одеколон.

Теперь завтрак. Тут не всё так просто. Часто папа капризничает, не хочет есть наш любимый «Геркулес», отворачивается. Если папа футбольный фанат и вы знаете игроков его любимой команды, тогда легче:

– Ну, давай ложечку за Аршавина, ложечку за...

Можно перечислить всех футболистов, тренера и врача, пока тарелка не опустеет. Главное – не ошибиться. Если назвать игрока другой команды, папа будет вертеть головой, сжимать зубы, выплёвывать кашу и даже может подавиться.

ФИЗИЧЕСКАЯ ЗАРЯДКА

Если папа не делает её, бесполезно заставлять и уговаривать, обзывать слабачком и хилачком или, наоборот, толстячком.

Нужно поставить перед ним цель, или, как говорили в телепередаче «Здоровые папы», создать мотив. Ну, чтоб он знал, ради чего.

Предположим, во дворе есть нехороший сосед Сидор Петрович. Так вот, этот Сидор Петрович подстерегает папу, отнимает у него портфель с документами, бросает его далеко в кусты и убегает. Притом, дразнится:

– Не догонишь, не догонишь!

Нужно сказать папе:

– Если заниматься по утрам гимнастикой с гантелями, то со временем ты

сможешь догнать этого гадкого Сидора Петровича и накостылять ему.

Идея эта папе, конечно же, понравится, и в один хороший день так и случится: Сидор Петрович сам окажется в кустах со слезами:

– Я больше не буду, не пихайтесь...

А папа гордо посмотрит на наши окна и смело пройдёт через двор.

ЗАДУМЧИВОСТЬ

Иногда, собираясь на работу, папа может замереть, уставившись, например, на свой ботинок. Не подгоняйте его, не обзывайте копушей. Он не копуша, он в этот момент думает. Разглядывая свой ботинок, папа размышляет:

– А как такую толстую кожу прошили нитками? А как подошву приклеили?

Размышляя таким образом, он считает себя умным папой, и разубеждать его не надо. Кроме того, если оторвать его от дум, он посчитает себя недостойным таких мыслей, перестанет уважать себя, у него разовьётся комплекс неполноценности. На работе тоже перестанут уважать его, будут меньше платить. А это нужно? Поэтому пусть думает.

РАБОТА ПО ДОМУ

Это очень важно! Если папа захочет пришить пуговицу или сварить рис, поощряйте его.

Сразу у него не получится. Не вырывайте у него рубашку с криком:

– Сколько раз повторять, недотёпа безмозглый, не так!

Нужно мягко сказать:

– Мне кажется, голубые нитки больше подойдут к этой рубашке.

Или:

– А в кулинарной книге написано, что рис надо сыпать в кипящую воду.

Иногда папа не захочет после себя мыть посуду. Отнесите к этому спокойно. Не надо швырять тарелки на пол с упрёками:

– Надоело убирать за тобой!

Увлечите папу на кухню:

– Смотри, какой свежий «Ферри» у нас есть!

И, напевая что-нибудь весёлое, показывайте ему, как правильно мыть посуду. Скоро у него будет получаться.

Если папа захочет просверлить дырку в стене, отремонтировать кресло, нужно бросить все дела, собраться вокруг него и громко восторгаться:

– Как здорово получается! Какие ловкие руки! Как точно молотком по гвоздью попадает!

А когда он под эти слова ударит по пальцу, восторгайтесь теперь пальцем:

– Ой, какой интересный палец стал! Какая яркая синева под ногтем разливается! Да как быстро!

Папа тоже станет рассматривать свой палец, отвлечётся, забудет про боль и не будет плакать. А не поможет, нужно поцеловать палец папы, сунуть его под холодную воду (палец) и посочувствовать:

– Вот как больно было! Как быстро успокоился!

И слёзы у него высохнут. Нельзя говорить:

– До свадьбы заживёт.

Свадьба у папы уже была.

СВОЁ МЕСТО

У папы должен быть свой уголок, где он может заниматься чем хочет и побыть наедине с собой. Через каждые пять минут заглядывать туда не надо. Лучше через полчаса. Своё место помогает папе определить границы своего пространства, и он не будет претендовать на ваше.

Здесь хранятся его любимые вещи: молоток, два гвоздя, пластины от трансформатора, старые газеты. Когда папа чем-то увлечён, всё может перемешаться: молоток под подушкой, рубашка под стулом, книга в туалете.

Опять же, не кричите, не заставляйте его самого наводить порядок. Спокойно скажите:

– Ты можешь не убирать свои вещи и тогда будешь жить в этом беспорядке.

Чтоб у папы был выбор: или навести порядок, или жить среди хлама.

А ещё лучше вместе с ним заняться уборкой. Папа с интересом будет наблюдать за вами и смотреть, как вещи занимают свои места.

В этот момент к вам может кто-нибудь зайти. Тут же похвалите:

– Вот какой порядок навёл наш папа!

Папа будет очень доволен. А если с гостями зайдут другие папы, они тоже захотят, чтоб их похвалили, и будут стараться.

НЕ НАДО ДАВИТЬ!

Допустим, вы любите котлеты, а папа – макароны. Не заставляйте его есть ваше любимое блюдо – пусть варит свои макароны. Не надо давить.

Если на папу давить, он потеряет чувство собственного достоинства. И на работе станут давить, и в транспорте в часы пик. Папе буде нехорошо.

Когда папе нехорошо, он может совершить необдуманный поступок: отказаться от еды или, наоборот, много есть. В первом случае похудеет и заболит. Во втором случае – потолстеет и тоже заболит. Можно, конечно, кормить его через резиновую трубку, если откажется есть, или повесить на холодильник кодовый замок, но всё равно неудобства будут у вас. Потому лучше всего на него не давить, а постепенно готовить его, чтоб он сам сделал, как нужно вам. И думал, что это его выбор.

Вообще с папами всегда сложно. Но вы же знали заранее, на что шли, когда выбирали его.

ПРОГУЛКИ

В выходные дни папу нужно прогуливать, потому что свежий воздух папам полезен. Соглашается он неохотно, бормочет себе под нос:

– На работе прогуливаешь, тут прогулки...

Не обращайте внимания: такое бормотание, даже бессвязное, развивает речь. Заинтересовать его можно чупа-чупсом,

мороженым, тоником. Тогда он охотно одевается.

К предмету его интереса лучше вести кружным путём – пусть дольше дышит воздухом. По пути загадывайте ему загадки, рассказывайте сказки. Но страшные – нельзя. Папа испугается и убежит, потом долго искать.

Когда вы купите то, что папу заинтересовало, не позволяйте на ходу лизать мороженое или сосать тоник. Воздух хоть и свежий, но в нём полно всякой гадости, можно зализать или засосать что-нибудь в организм.

После прогулки он захочет прилечь отдохнуть. Лучше проводить его до места. Пусть отдыхает.

НАКАЗАНИЯ

Бывает, что папа провинился: ну, разбил чашку или пересолил макароны. Можно его наказать. Только сразу же. Разбил – получил. Если утром пересолил, а вечером наказали, не поймёт за что: макарон-то нет, съедены.

Некоторые ставят папу в угол. Это плохо. Угол сужает кругозор. Лучше ставить к окну. За окном интересно. Папа смотрит в окно и думает про вас хорошо. Наказали, а всё равно хорошие!

Не стоит в виде наказания лишать ужина или прогулки. Папы должны хорошо питаться и дышать свежим воздухом.

Также нельзя наказывать мытьём полов и походами в магазин. Он и так неохотно это делает и может совсем возненавидеть. И вам придётся самим делать уборку и носить тяжёлые сумки с продуктами.

Ни в коем случае не шлёпайте папу по попе! Не давайте подзатыльников. Это чувствительные места. Стукнете – бу-

дет сотрясение головного или спинного мозга. Можно поглупеть. И вообще: вы шлёпнули, а папа ответить не может, потому что любит вас или боится.

Да и потом, если Сидор Петрович не поздоровался с вами, вы же не стучаете его – сдачу можно получить. Или учительница двойку поставила – не будете же шлёпать её по попе. Ещё к директору вызовут.

С этими наказаниями одно наказание. Осторожно надо...

РЫБАЛКА

Некоторые папы любят рыбалку. Любовь эту надо поддерживать. Рыбалка, охота, прогулки в магазин, вытряхивание половиков укрепляют здоровье любого папы.

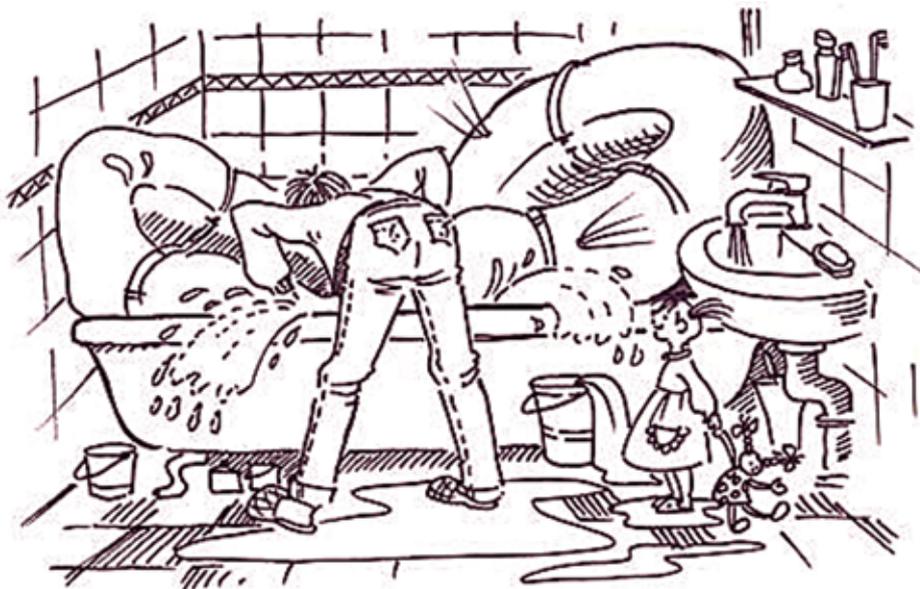
Уже с четверга папа говорит о том, что ветер – юго-западный, клёв обещает быть выдающимся, прямо жор настоящий.

Если вы сами не любите рыбалку, эти сумасшедшие поездки, можно делать так. Первый способ. К выходным покупайте свежую рыбу и в субботу с утра варите уху, заправляя её разными рыбацкими байками. Папа, конечно, будет ворчать, что это не уха, а рыбный суп, но через некоторое время, если вы каждую субботу и воскресенье будете кормить его одним рыбным супом, разговоры о рыбалке кончатся. Притом, рыбу на суп папа сам чистит.

Способ второй, если провалился первый. Он требует денег. Сходите с папой в охотничий магазин и купите ему дешёвенькую резиновую лодку. Но лучше достать старую, с проколами. Папа долго будет приводить её в порядок, клеить, надувать, пытаться затолкать её сначала в ванную комнату, а потом в ванну,

чтоб проверить, не пропускает ли. Помогать не надо.

В квартире будет, как на берегу, только без костра. Терпите. Когда папа соберётся испытывать лодку в озере за городом, в рюкзак ему подсуньте 6-8 кирпичей. Теперь гарантировано: вернувшись, папа забросит лодку в кладовку и забудет о рыбалке навсегда. Тем более что он не видел, как вы перед его

поездкой очередной раз ткнули вилкой в борт лодки.

ЧТЕНИЕ

Когда есть свободное время, приучайте папу к чтению. Он не любит это, но читать нужно. Книжки тоже расширяют его кругозор. Как можно побывать в Австралии, если папа не может купить туда билет? Вот.

Вы уже готовы читать, а папа разгадывает кроссворд или смотрит телевизор. Не надо вырывать из его рук журнал или выдёргивать шнур из розетки. Нужно спокойно сказать:

– Вот сейчас ты, возможно, разгадаешь этот дурацкий кроссворд (или досмотришь эту тупую передачу), и мы начнём читать интересную книгу про больших куриц.

Это даст ему возможность перестроиться, подготовиться к следующему занятию.

Два раза в году – в день рождения и на Новый год – папе готовят его любимое блюдо – куриные окорочка. Папа балдеет от них и мечтает съесть за раз во-о-от такой огромный окорочище! А упоминание о курицах будет к месту. Через пять минут он уже бегает по Австралии за страусом. А вы свободны.

ГОСТИ

Когда приходят гости, папа бурно выражает радость, потирает руки. Не отправляйте его в свою комнату. Пусть присутствует, порадует. Для папы полезно общение с другими людьми. Пребывание с гостями зарождаёт в нём чувство хозяина в доме. Чувство это надо развивать в папе, позволяя ему помогать накрывать на стол, готовить праздничный обед, но что-нибудь простенькое: помыть овощи для салата, нарезать хлеб. Папа будет очень гордиться собой. Не забудьте похвалить его при гостях:

– Обратили внимание, как хлеб нарезан? Это наш папа! Только он так умеет.

Папа засмущается, покраснеет. Разрешите и ему сказать о вас добрые слова. А чтоб не забыл, толкните его под столом ногой. Делать замечания при гостях, тем более ругать, не стоит. Это потом.

Когда гости уйдут, убирать посуду придётся вам. Папа к этому времени обычно устаёт от гостей и хочет спать. Пусть идёт. Лучше даже проводить его до постели.

Перед сном можно не читать. В такие дни папа засыпает быстро и крепко.

РЕБЁНОК В ДОМЕ

Если у вас в доме появляется второй (третий, четвертый, пятый...) ребёнок,

это может оказаться неожиданностью для папы. Поэтому нужно заранее готовить его к этому. Нельзя говорить:

– Знаешь, у нас будет еще один ребёнок, и мы станем уделять тебе меньше времени.

Это глупо. Это сразу настроит папу против. Заинтересуйте его:

– Когда у нас появится еще один ребёнок, всем будет веселее. У тебя откроется больше возможностей для работы по дому, для прогулок.

Чтобы папа не чувствовал себя лишним, ему кое-что нужно объяснить. Вот примеры.

Папе следует помнить, что он не должен кушать вместе с ребёнком: малыш ещё не ест жареную картошку с солёным огурцом и не пьёт пиво с водкой. Объясните папе, как правильно вставлять соску: колечко должно быть снаружи.

Папе следует знать: на прогулку надо выходить с малышом и с коляской. В коляске – малыш.

Не забывайте хвалить папу за каждый хороший поступок. Это стимулирует его.

И всегда помните сами: папа даёт один раз. И каким бы он ни дался, ПАПУ НАДО ЛЮБИТЬ!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А теперь я признаюсь: эти правила мы с мамой придумали в шутку. И никакой телепередачи «Здоровые папы» нет, хотя мама говорит, что должна быть. И ничего такого у нас дома нет. А папа наш самый лучший. Он сам таким воспитался!

Утром он встаёт раньше всех, «таскает железки» – так он называет гантели и свою тяжеленную гиришу. Потом обливается в ванной ледяной водой, моется-бреется и будит меня.

Вот интересно: обычно люди сначала просыпаются, а потом встают с постели. А я – наоборот. Встаю с постели, а потом просыпаюсь. Нет, я не лунатик. Просто когда я открываю глаза, я уже у папы на руках. Это так здорово! Как он вынимает меня из-под одеяла, я не чувствую.

Потом я скачу-прыгаю под Максима Леонидова. Слыхали: «Марабу-барабу-корова Му»?

И иду мыться. В ванной вкусно пахнет зубной пастой, папиной пенкой для бритья и его туалетной водой.

Рисунки Киры Скрипниченко

Потом троём садимся завтракать. Мама уже такая красивая-красивая! Когда только успевает? Папа шутит:

– Наверное, у вас новый начальник или заместитель!

А мама не шутит:

– Вы мои и начальник, и заместитель! Я вас очень-очень люблю-люблю-люблю!

И целует папу и меня.

Папа провожает меня до детского садика, а в половине шестого заходит за мной.

Домой мы идём долго-долго, но время проходит быстро-быстро. Я не знаю, как так получается. Наверное, потому, что каждый раз я узнаю от папы много-много, каждый раз мы делаем открытия. Вот вчера мы открыли, что от садика до дома моих шагов 930, а папиных – 740. Правда, мы несколько раз сбивались, возвращались назад, пока не посчитали. Потому что папин шаг шире моего и я шагаю чаще.

А еще папа рассказал, почему в степи, в пургу, в лесу, когда нет ориентиров, люди ходят по кругу. Оказывается, шаг левой ноги короче правой, правая шагает длиннее и постепенно забирает влево, и человек возвращается к тому месту, из которого вышел. А по улицам, тропинкам ходим прямо. Но всё равно левая нога шагает чаще, левая ступня постепенно становится больше. Поэтому при покупке обуви всегда надо мерить левый туфель или ботинок. Запомнили?

Сейчас в детском садике я жду папу и думаю: что мы сегодня откроем?

Андрей Кульба, Лариса Беляева (фото)

Возвращение

Дороги, ведущие к этому московскому дому, сплошь начинаются за границами России, а конкретно – там, где после октябрьского переворота 1917-го и в последующие 70 советских лет обрели пристанище те, кто были изгнаны с родной земли или не хотели мириться с новым укладом ее жизни. Это – Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, которому в декабре 2010 года – 15 лет.

ПЫЛИНКА ДАЛЬНИХ СТРАН

*«Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море...»*

Барышни, когда зачитывались стихами Блока в 1905 году, и представить себе не могли, что многим из них самим придется так петь и молиться в храмах, раскиданных по разным странам мира. Петь о родных людях в чужом краю. О пароходах, увозивших их сначала в Турцию, а потом дальше – в Бизерту, в Марсель, в Нью-Йорк. О родине, которая растаяла за кормой, как пароходный дым.

Подобных по масштабам и жестокости исходов в мировой истории не было. После октябрьского переворота 9-10 миллионов человек в одночасье были отрезаны от своей страны и объявлены ее врагами. «Отток значительной части духовных сил, происшедший в гражданскую войну, увел от нас большую и важную ветвь русской

культуры», – писал Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ».

Частично русская ментальность успешно интегрировалась в мировую цивилизацию. Всемирным достоянием стали таланты Игоря Сикорского, Марка Шагала, Александра Алехина, Михаила Барышникова, Сергея Рахманинова, Игоря Стравинского. Один из бывших рядовых армии Врангеля Андрей Челищев основал в Калифорнии виноделие. Владимир Зворыкин запатентовал в США кинескоп и стал основоположником телевидения. Сергей Брин создал интернетовский поисковик Гугл. Выходцы из России получили Нобелевскую премию по химии и экономике, в этом году – по физике.

Но есть в русской эмигрантской культуре и то, что мало понятно представителям других народов, а часто и современным русским молодым людям, потомкам эмигрантов и россиянам. Это, например, стихи и проза эмигрантских литературных журналов, в которых сохранился в

полноте, чистоте и изяществе русский язык дореволюционной России. В конце сентября в Доме Русского Зарубежья презентовался сборник статей, посвященный архиву «Современных записок» – самого авторитетного журнала русской эмиграции. (А может быть, и вообще лучшего периодического издания в русской истории, как утверждают некоторые исследователи.) Одновременно представляли сайт Эмигрантика.ру, на котором, в частности, выложены все номера литературных журналов русского Парижа 1920-1940-х годов. Такого полного собрания двадцать с небольшим лет назад не было даже в спецхране Ленинской библиотеки. А за хранение листков с содержанием этих журналов могли привлечь как за распространение запрещенной литературы.

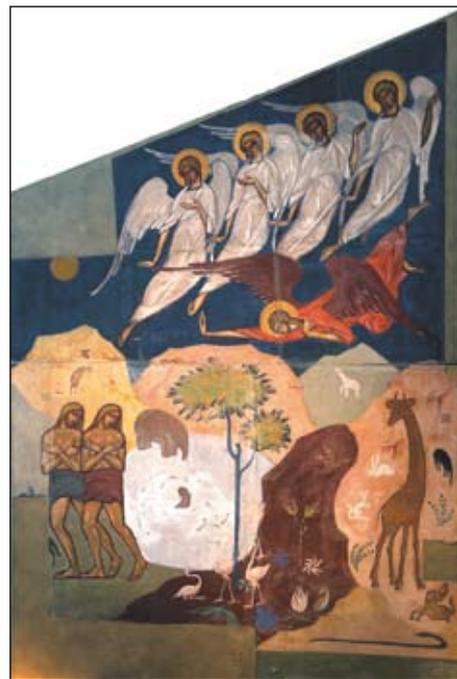
*Тот, кто исповедует Православие,
не может не знать фамилию Фудель*

ОДНА СУДЬБА

Бесценны мемуарные документы эмигрантов, в которых сохранены мелочи дореволюционного быта и свидетельства о тех или иных событиях, позволяющие восстановить истинную картину истории XX века. «Ах, если бы знали люди, что жизнь моя – сказка, что в детстве пела мне мама чудные песни, что не в книге только стояло написанным, а на пути, когда я шла из детской – жизни нашей, жизни моей, мы с мамой читали: “Розы цветут, красота, красота! Скоро мы узрим Младенца Христа”» – вспоминает сестра Иоанна (Рейтлингер). «Сейчас это почему-то забыли. Но до революции в куличи обязательно добавляли кардамон и мускатный орех», – замечает, например, между делом Анастасия Ширинская-Манштейн, героиня документального фильма Виктора Лисаковича «Анастасия» (этот фильм победил в прошлом году в неигровой программе фестиваля «Русский путь», проводимого Домом русского зарубежья). Более существенное открытие заметил на одной из последних презентаций доктор исторических наук Олег Будницкий, которому посчастливилось обнаружить неизвестную часть архива российских дипломатов. Из найденных им финансовых документов ясно, что пресловутое «золото Колчака», которое то и дело «обнаруживают» на дне Байкала или в каких-то других местах, давно было продано и вырученные за него средства поддерживали жизнь русской эмиграции вплоть до конца 1950-х.

Но главное, что доносят до нас архивные документы эмиграции, – это примеры веры, терпения и мужества, которые демонстрировали наши соотечественники, оказавшиеся в чужих странах. Та же Анастасия Ширинская, умершая в этом году, последняя из тех, кто уходил «за море с Врангелем». «Колчак заплатил иностранцам золотом за зимнее обмундирование для Белой армии. Это обмундирование пришло в Севастополь как раз в тот день, когда эскадра черноморского флота с разгромленной армией на борту покидала Россию навсегда, – вспоминала Ширинская, отец которой был капитаном эсминца «Жаркий». – Вместе с военными бежали их семьи: на 120 кораблях разместилось около 150 тысяч человек. Один корабль отстал и затонул. Эсминец «Жаркий», который тянули на буксире, несколько раз отрывался. Были проблемы с углем, поэтому терять время было нельзя. С «Жаркого» пересадили женщин и детей. В каютах стало так тесно, что пассажирам приходилось всю дорогу стоять вплотную друг к другу». После Константинополя 34 военных корабля были направлены в Бизерту, в Тунис. Четыре года моряки вместе с семьями (около 6000 человек) жили прямо на кораблях и ждали своей участи. Учили детей, молились в корабельной церкви, и каждый день поднимали Андреевский флаг.

В 1924 г. французское правительство объявило о признании СССР и о расформировании эскадры. Постепенно все суда были изъяты и затоплены.

Возвращенная фреска

Моряки стали устраиваться на берегу, работали землемерами, строили дороги. Отец Анастасии какое-то время даже шил дамские сумочки. В 30-х русская община построила в Бизерте православный храм во имя Александра Невского – в память погибшей эскадры. Анастасия Ширинская рассказывает: «Деньги давали в основном, конечно, эмигранты, но не только они – помогали и французы, и тунисцы. Все делалось своими руками. За иконой благоверного князя располагался хор, в котором пела моя мать. Сама я читала часы, разводила кадило на улице. Если батюшка был мною недоволен, то говорил мне на «вы» и в нос: “Почему это у вас кадило керо-

Этот Дом никогда не бывает пуст. Гости, встречи, беседы...

сином воняет?») Всю свою жизнь она проработала в Бизерте учителем математики, а в свободное от уроков время на маленькой пишущей машинке печатала летопись о русских моряках на чужбине. До самой смерти туниисцы называли ее хранительницей храма в Бизерте, а русские моряки – «бабушкой русского флота».

«ДАБЫ ВЕРУЮЩИЕ РАДОВАЛИСЬ, КАК ДЕТИ»

Свои непохожие судьбы у миллионов русских эмигрантов, которые в разных точках земного шара возводили храмы, основывали высшие и средние учебные заведения, проводили дороги, работали в шахтах и на обработке земли. И если не всегда писали книги, то вели дневники.

Александр Солженицын, когда оказался в изгнании, в Вермонте, обратился ко всей эмиграции с призывом присылать ему мемуарные документы. Он уже тогда верил, что вернется и привезет все, что удастся собрать, на родину. Всего он получил порядка тысячи посылок. Это легло в основу архива Дом. В нем сейчас мемуары и рукописи Бунина, Цветаевой, Шмелева, Зайцева, Родзянко, Милокова, Мусина-Пушкина, Татищевых и т. д. Со временем дарители стали передавать сюда не только документы, но и музейной ценности предметы – картины, рисунки, гравюры, шкатулки, украшения, награды, многие из которых уникальные и очень дорогие. Среди этих раритетов: одеяльце, которое связали великие княжны для брата – цесаревича Алексея, посмертная восковая маска Шаляпина. Всего 16-18 тысяч музейных предметов, 60-80 тысяч архивных единиц, в библиотеке – порядка 80 тысяч томов российских и зарубежных изданий, посвященных проблемах эмиграции. И материалы продолжают поступать.

В прошлом году Дому была передана библиотека генерала барона Будберга, сподвижника Колчака, в которой 10 тысяч экспонатов.

Сейчас Дом русского зарубежья получил музейный статус и будет пристраивать еще помещения, чтобы организовать постоянные экспозиции. А пока вынужден ограничиваться проведением отдельных выставок, посвященных тому или иному замечательному человеку эмиграции.

Заведующая отделом по развитию связей с общественностью И.А. Лопухина с плакатом 1921 года «Белград, помоги России, можешь себе»

Ныне основу музейного собрания дома составляют фрески сестры Иоанны (Юлии Николаевны Рейтлингер) из пришедшего в упадок храма св. Иоанна Воина в Медоне (в 20 км от Парижа). Рейтлингер писала в своих воспоминаниях: «Знакомство со старой русской иконой показало мне, как важна для иконописца уверенная линия..., и я стала в ней упражняться: делала наброски и кистью, тонким пером тушью. На каникулах в деревне ходила по полям, как японцы, – привязав баночку к поясу...»

Но кроме икон – я еще брежу фреской. Но стены нет!» Пролистнем не-

сколько лет: «В Париже и его окрестностях, как известно, жило очень много русских. И в недолгое время появились “храмы” – главным образом, в пустых гаражах при брошенных особняках... Один такой приход даже построил на собственные деньги совместно усилиями барак, увенчанный небольшим куполком, и рядом звонницу...» Священник, назначенный в этот приход, благословил Юлию Николаевну расписать «церковь-барак». Она обшила стены купленной

на свои деньги фанерой, уже покрытой какой-то промышленной живописью. По этой живописи можно было писать, как по грунту. Ю.Н. Завадовский так описывает сделанные в Медоне монументальные росписи: «Рейтлинген... расписала церковь радостно и по-детски..., дабы верующие и радовались как дети, когда кругом так тяжело и грустно». Написанные в Медоне фрески до сих пор кажутся необычными. Не отходя от православного канона, они выдают, что созданы художником XX века. Так, про «Изгнание из Рая», например, говорят, что своими «ликующими красками» эта фреска напоминает живопись Поля Гогена. Однако в центре

всей композиции был Апокалипсис. В 60-е годы храм пришел в запустение, пережил пожар и стал обиталищем клошаров. Фрески на листах оргалита были вывезены Никитой Струве, одним из основателей московского Дома русского зарубежья, и сейчас успешно реставрируются.

Александр Солженицын писал о русской культуре: «Каждый, кто истинно любит ее, будет стремиться к воссоединению обеих ветвей – метрополии и зарубежья. Лишь тогда она достигнет полноты, лишь тогда обнаружит способность к неущербному развитию».

Ася Шеварова

Мы с тобой одной веры

Я – русская, но мои прабабушка Вера Елисеевна Волянская, прадедушка Леонид Иванович Рымаренко и их дочь, моя бабушка, Зоряна Леонидовна, – выходцы с Украины; прапрабабушка Вера Михайловна Комарова и ее сестры дружили с поэтессой Лесей Украинкой. Поэтому я считаю себя частью этой земли и этого народа. Однако есть нечто большее, чем родство по крови, тем более что сейчас так все перемешалось: нации, народы... Это «нечто большее», перефразируя Киплинга, звучит так: «Мы с тобой одной веры». Общая Православная вера связывает нас прочнее, чем ветви иных генеалогических деревьев. Пусть я не знаю украинского языка, но понимаю его без перевода, и все потому, что мы – одной веры. Итак, я еду в Крым...

1. Пансионат «Паломник» возле самого Чёрного моря, в поселке Новофёдоровка, где строится храм в честь святого Фёдора Ушакова. Пока же местный батюшка отец Алексей служит в приспособленной для богослужений больнице. Паломники помогают строительству именными кирпичиками из местного ракушечника или даже просто тем, что приобретают сюда путевки.

Здесь каждое утро и вечер звонит колокольчик, который собирает всех на молитву. В этом уютном внутреннем дворике служат молебны о путешественниках.

2. Ангел задумчиво смотрит на источник, родившийся на месте казни мученицы Параскевы, которая принесла из Рима на Таврический полуостров слово Божие. Сюда, к целительным водам Топловского Параскевиевского монастыря, приезжает множество людей за помощью и исцелением от недугов, особенно глазных.

В монастыре почитаются ещё две монахини с тем же именем. Первая – насельница и основательница монастыря, болгарская девица Константина. В середине XIX века на собранные ею средства была построена часовня. Перед смертью Константина приняла постриг с именем Параскева. Наибольшего расцвета монастырь достиг при игумении Параскеве (Родимцевой) в конце XIX века, а в двадцатые годы века минувшего монастырь сначала превратили в совхоз «Женский труд», потом инокинь разогнали, а некоторых расстреляли. Место захоронения игу-

мении точно не известно, но на кладбище, у предполагаемой могилки матушки, всегда горят свечи и никогда не пустует ящичек для записок, которые ей пишут люди.

3. Ближайший к посёлку – город Саки. В 1861 году здесь построили небольшую церковь в честь пророка Илии. Теперь на ее месте большой красивый храм с яркими восточного стиля росписями.

4. Вот он, такой узнаваемый, наш чудный и любимый Крым!

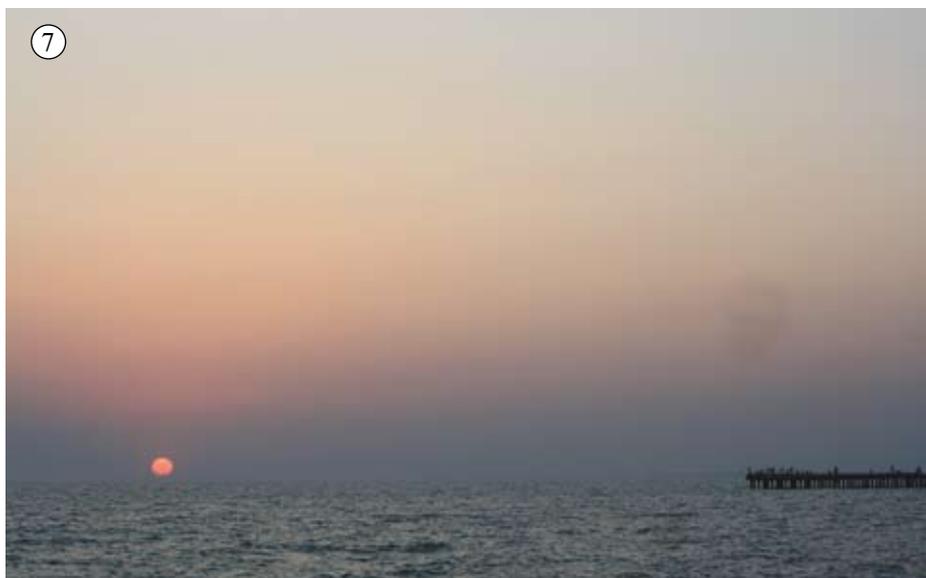
5. Ныне Успенский монастырь возрождается, действуют пещерный храм в честь Успения Богородицы и храм во имя св. ап. Марка. К списку с чудотворной иконы Божией Матери «Бахчисарайская», или «Мариупольская», приходит народ, есть даже специальная тетрадь, куда записывают чудеса и исцеления. Над местом явления иконы на скале проявился силуэт Богородицы, покрывающей монастырь своим омофором. Когда-то на этом месте пастушок увидел свет, и люди обрели чудотворный образ. Трижды икону относили в селение, но она чудесным образом снова оказывалась на скале. Тогда было решено вырубить храм прямо в камне. Среди скал церковь выглядит хрупкой, но это внешне. Внутренне она символизирует силу нашей с вами общей веры.

6. Дорога в Эски-Кермен запомнится пещерным храмом Трех Всадников, высеченным в огромном камне. Здесь сохранились фреска XIV века, а в полу – ниши-захоронения. Эски-Кермен – это целый пещерный город в скале, там маленькие дверки, довольно низкие потолки и тесные закутки. Трудно представить, как можно было выдолбить колонны и целые залы внутри скал. С тех пор там ничего не изменилось: так же пасутся лошадки, гулко отдается эхо голосов под сводами пещер, вот только на входе продаются сувениры и подростки забираются в могильные ниши.

7. Прожит еще один день.

...Это была не первая моя паломническая поездка, но, и собираясь в Крым, и там, на этом прекрасном и жарком полуострове, я радовалась, словно встретилась со своей исторической родиной. Быть с кем-то одной веры – большое счастье.

Храм Антонины Петровны

Если ехать по питерской кольцевой дороге от Пулковского шоссе к Таллиннскому, то справа вдруг вырастает золотой купол над ярко-белыми стенами. Это храм Святых мучеников Адриана и Наталии. Эту церковь строила простая жительница Петербурга Антонина Осипова целых 20 лет. Полвека она мечтала о том, как в ее деревне Старо-Паново появится храм в память обо всех солдатах, погибших во всех войнах.

Антонине Петровне Осиповой 85 лет. Она живет в Старо-Паново с детства. Здесь ее застала война, отсюда ее семью фашисты угнали в Германию. И сюда, домой, они шли через пол-Европы в 45-м.

Она простая женщина, всю жизнь проработала портнихой. Но всегда добивалась всего, что только задумает. Вот хотела построить храм – и построила. В 64 года начала – в 80 пришла на первую службу.

Антонина Петровна и теперь живет в Старо-Паново. Прихожане храма помогли сделать ремонт в ее стареньком домике. А рядом еще видны неубранные остатки сарайчика для угля. Ведь не так давно уголь Антонине Петровне был нужен, и его приходилось таскать, чтобы топить печку. Но с каждым годом становилось все тяжелее, поэтому она копила деньги, чтобы провести газ к себе домой. Газ ей провели бесплатно. И тогда накопленные 300 тысяч рублей Антонина Петровна отдала на то, чтоб в храме появился большой 370-килограммовый колокол. Теперь его звон вплетается в праздничное многоголосье других старо-пановских колоколов. И весь приход вам скажет, что на нем написано: «Отлит колокол сей в дар храму святых мучеников Адриана и Наталии от р. Б. Антонины

в память о погибших и пропавших без вести под Ленинградом».

– Теперь бы еще панно сделать на стенах, – не унимается эта удивительная пожилая женщина. – На нем солдат со штыком: идет, падает, снова встает!.. Чтоб все помнили их. Храм-то наш – солдатам. Они ведь нас защищали.

То, что эта пожилая женщина построила церковь, отнюдь не преувеличение.

– Она ведь сделала это практически в одиночку, – рассказывает отец Анто-

ний, настоятель церкви Святых мучеников Адриана и Наталии. – Я не знаю, кто, кроме нее, это дело осилил бы. Только с ее характером, с ее духом... Проект сделала за собственные деньги, приход зарегистрировала, добилась благословения митрополита Иоанна...

А мечтала она об этом 45 лет – с того самого дня, когда увидела на месте своей деревни перепаханное войной поле.

«ОТ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ НАС СПАСЛИ НЕМЦЫ»

Война заставила Антонину запомнить на всю жизнь, что солдат – он всегда солдат: в любой форме может человеком быть, а может зверем обернуться. В июне 41-го ей было 15 лет, и она хорошо помнит, как пришли немцы.

– Они двигались быстро, уже 13 сентября были здесь, – рассказывает Антонина Петровна. – Шли без единого выстрела. Как в гости.

И так же быстро, как шли немецкие солдаты, отступали наши. Многие в деревне их не могли простить. А Тоня жалела.

– Такие были симпатичные, молодые, – качает она головой. – А наши женщины им куска хлеба не дали! Только окружили: «Вы! Предатели!

Отец Антоний и раба Божия Антонина

Отступаете, до чего довели!..». И тут один, высокий такой, повернулся, поднял винтовку: «Вот, смотрите! Нам дали одну винтовку на десятерых! Ждем очереди – кого убьют, чтоб винтовку взять!..». Мы постояли, постояли, да и разошлись.

Немцев ждали с ужасом. Но, как ни странно, они спасли деревенских от голодной смерти.

– Они ничего были, добрые, – улыбается Антонина Петровна. – Придут, в гармошку поиграют, хлеба нам принесут. У них был суп такой сладкий – компот с вермишелью. Они его терпеть не могли и весь бачок нам приносили. А вот финны – те, ох, какие были злощие. Придет, дверь ногой вышибет, встанет так... Мы до смерти их боялись. Но финны боялись немцев, и мы к немцам за защитой бежали. Немец рывкнет – финн и отстает.

Но пришла весна 42-го – и «добрые» немцы погрузили их в вагоны. Семью Антонины увезли в Бреслау. Сама прошла три концлагеря.

– Страшно было, – закрывает она глаза. – Война – всегда страшно... Они ведь так-то не убивали. Выкопают длинную канаву, и кто с постели сам не встанет – того за руки, за ноги в эту канаву... Живыми трупами ее заполняли. Они ведь живы были, только встать не могли! Их землей присыплют, и потом неделю земля над канавой «дышит»...

Но Тоню, ее маму и брата с сестрами будто Бог хранил.

– Как-то пришел барин немецкий, – оживает Антонина Петровна. – Ему крестьяне были нужны. Ну, нас к нему и послали. Поселили в бетонный дом, холоднящий – сил нет. Но мы целый день пахали. Потом я ноги отморозила, так этот немец меня на тарантасе к доктору повез. Хороший был человек. А другой, рядом в хозяйстве, как пахать – запряжет женщин и плеткой погоняет. Наш как это видел – отворачивался, стыдно ему было. Всё же не все они паразиты...

Как они встречали Красную Армию, не нужно рассказывать, и так понятно: думали, кончился кошмар. Но оказалось, что самое страшное их ждет там, где раньше был дом.

– То, что было в лагерях... – она опускает глаза. – Да, жгли, убивали, закапывали, откапывали, но мы как-то... Привыкли, что ли. Притупилось все. А тут...

На месте деревни они увидели голое, перепаханное снарядами поле. Ни травинки. И горы, горы трупов. Человеческое месиво. Солдаты – не разберешь, какой армии.

– В этих местах трава не росла года три, – продолжает Антонина Петровна. – Только ямы, кости и мины.

Антонина Петровна до сих пор не может взять в толк: неужто нельзя было хоть в окопы сложить покойников да землей присыпать?!

– Я смотрела на все это, и почему-то мне не было покоя, – признается она. – Будто эти солдаты чего-то требовали от меня. Что немецкие, что наши...

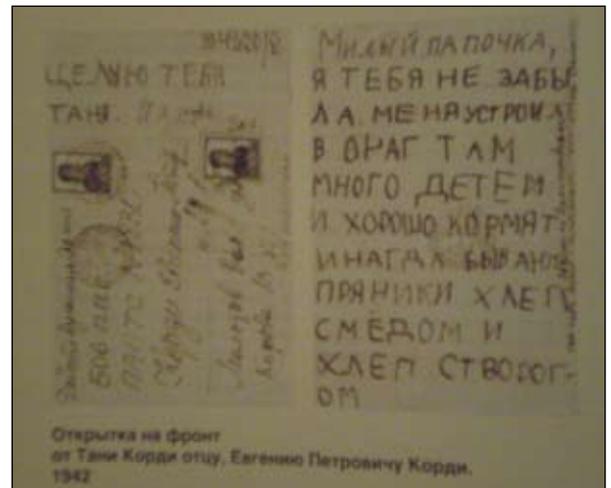
«ВЛАДЫКА ОБЕЩАЛ БЛАГОСЛОВИТЬ, НО ТОЛЬКО ЕСЛИ МНЕ ПОМОГУТ»

О храме она не сразу подумала. Просто очень больно было оттого, что война уничтожила старую церковь Адриана и Наталии, стоявшую в их деревне с прошлого века. А потом поняла: надо строить новую. В память обо всех солдатах. Долго, до середины 80-х годов прошлого века, она могла об этом только мечтать. Но мечтала не просто так: узнавала потихоньку, что да как, куда пойти... В 1990-м ей было уже 64 года. Но возраст мало что значил для этой удивительной женщины.

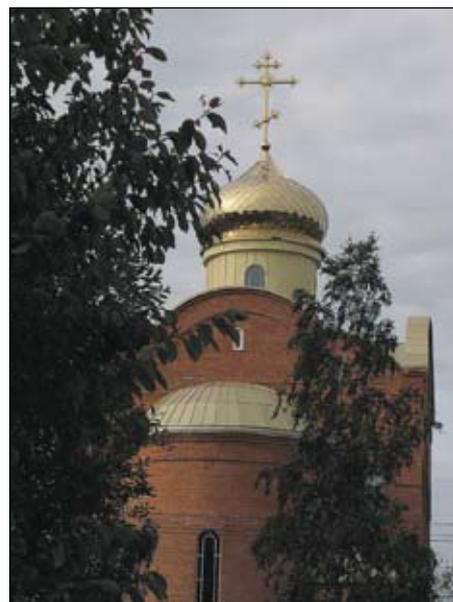
– Меня еще и владыка научил, что делать, – с улыбкой рассказывает она. – Посоветовал к предпринимателям пойти да у них попросить помощи. На то и благословил.

Семь лет она «окучивала» местных предпринимателей. Бизнес, если вспомнить, в те годы был своеобразный, неспокойный. Зато «новым русским», ох, было что замаливать. Может, по этой причине, а может, искренне верили, но все, к кому Антонина Петровна обращалась, помогали.

– Ни один не отказал! – гордо сообщает она. – Один оплатил фундамент,

Страница из Книги памяти

другой дал бетон, третий – денег на цокольный этаж... Целых полмиллиона рублей выделил губернатор Яковлев.

В 93-м году она зарегистрировала приход. Оформила землю под строительство. Наняла архитектора. Утвердила проект в митрополии. Через четыре года началась стройка. В 2005-м году настоятель храма отец Антоний Витвицкий провел первую службу.

ДВЕ ТЫСЯЧИ ИМЕН НА СТЕНЕ

Сейчас работы в храме еще невпоровот: стены оштукатурили, теперь нужно второй этаж достраивать. Но главное сделано: отец Антоний превратил церковь, построенную его

удивительной односельчанкой, по настоящему в памятник солдатам.

– Война – это страшная боль и трагедия, и именно это мы хотим показать, – объясняет он. – Вот почему одновременно со службами мы ведем историческую работу.

Музей занимает две комнаты в храме. Здесь все, что удалось собрать с помощью историков и просто у односельчан: фотографии, в них – история Старо-Паново, семейные реликвии времен войны. А еще на стене в одной из этих комнат протянуты длинные полотноща, исписанные именами погибших в старо-пановской мясорубке.

– Нам удалось восстановить только две тысячи имен, – продолжает отец

Антоний. – А сколько тут полегло на самом деле за два с половиной года? Этого никто, наверное, не скажет. На этом пятачке шли такие бои, что людей не успевали хоронить. Только за десять дней старо-пановской наступательной операции в 42-м году тут осталось три тысячи человек.

Ежегодно 9 мая, 22 июня, в другие памятные даты здесь собираются не только люди верующие. Просто те, кто чтит память о войне.

– Многие признаются, что когда увидели это всё, у них поменялось отношение к войне, – добавляет отец Антоний. – Главное, что люди чувствуют сопричастность тем событиям.

*«Известия»,
специально для «Лампады»,
фото Константина Котова
и о. Антония*

В день 80-летия Антонины Петровны

СКРЕПЫ

*Верьте, что если Он
пустил вам какое-
либо дело, то Он даст
и силы, нужные для его
совершения.*

*Святитель Василий,
епископ Кинешимский*

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСЛИ НА ВСЁ ВОЛЯ БОЖИЯ, К ЧЕМУ ТОГДА СВОЯ?

Протоиерей Александр Салтыков – Павел Демидов
Воля человека должна быть
продолжением Воли Божией 2

Юрий Соломин – Павел Демидов
Господь говорит с нами голосом нашей совести 6

Лариса Беляева
Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста 10

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Марина Нецветаева
Слова назидают, а примеры влекут 12

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Валерий Коновалов, Юрий Рост (фото)
Протоиерей Алексей Уминский:
«Я все время встречаюсь с чудом» 16

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров
«Блажени алчущие и жаждущие правды...» 20

А.И.Солженицын
Крохотки 22

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
«Чудные мои дети...» 24

ЛАМПАДКА

Олег Бундур
Школа передового опыта
Как воспитывать папу 28

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Андрей Кульба,
Лариса Беляева (фото)
Возвращение 31

Ася Шеварова
Мы с тобой одной веры 34

МИР ВОКРУГ НАС

Ирина Тумакова
С верой по жизни
Храм Антонины Петровны 36

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов
Главный редактор
Павел Демидов
Верстка И.В. Бухаровой
Корректор Т.В. Глазкова
Обложка: Храм иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине.
Фото Ларисы Беляевой

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а
Телефоны: (495) 453-9101
8-926-105-1054
www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275
Выход в свет 10.07.2010
Цена свободная
**Издается на добровольные
пожертвования**
Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.
Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 3010181040000000225
КПП 774301001

Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени
типографии им. Скворцова-
Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ
Генеральный директор
Э.А. Галумов
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6,
Пушкинская пл., 5
Контактные телефоны: 694-3636,
694-3020
e-mail: izd.izv@ru.net
Тираж 1200 экз. Заказ № 0542
© Лампада 2010

ЛАМПАДА

в Вашем доме

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Выписать журнал «ЛАМПАДА» можно
в любом отделении связи

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – **43570**

Подписной индекс в Каталоге «Почта России» – **16594**

На «ЛАМПАДУ» можно подписаться и
непосредственно в редакции. Позвоните:

8 916 388 4188 или

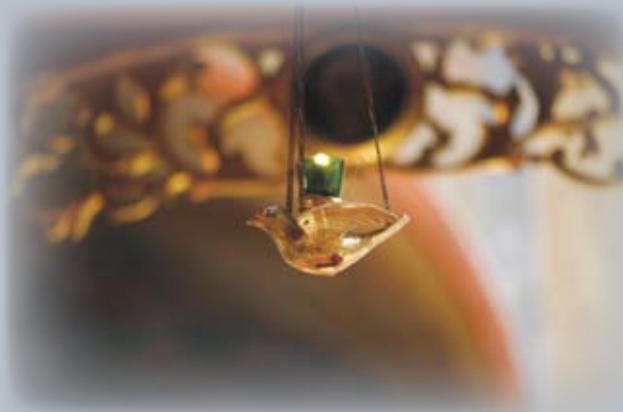
8 926 105 105 4

Журнал также можно купить или подписаться на него с помощью Издательского дома «Димитрий и Евдокия»

телефоны: 8-916-150-1140

(495) 676-5720

(495) 410-2194

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Всех Святых в Красном Селе (б. Ново-Алексеевского монастыря),
2-й Красносельский пер., 7
св. мц. Татианы при МГУ, ул. Б. Никитская, 1
Успения Пресвятой Богородицы в Путинках,
Успенский пер., 4
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском, ул. Крылатские Холмы
вмч. Георгия Победоносца в Коптеве, Б. Академическая ул., 33
св. блгв. царевича Димитрия при Голицынской (1-ой Градской) больнице, Ленинский просп., 8, корп. 5
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском, ул. Церковная Горка, 26а

Троицы Живоначальной в Хохлах, Хохловский пер., 12
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке, Газетный пер., 15
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами, 1-й Колобовский пер., 1, стр. 2
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово (г. Долгопрудный) ул. Парковая, 2
Подворья Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 2-я Тверская-Ямская ул., 52
Сретенского ставропигиального мужского монастыря, ул. Б. Лубянка, 19, стр. 1
Новоспасского ставропигиального мужского монастыря, Крестьянская пл., 10

Просим помолиться о здравии жертвователей рабов Божиих Александра и Светланы

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

№ 6 (75) 2010

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

Тема номера:
**ЕСЛИ НА ВСЁ ВОЛЯ БОЖИЯ,
К ЧЕМУ ТОГДА СВОЯ?**

- Страж памяти
- Праздник в Хохлах
- Петровна и ее церковь

